

Сергей Борисов

Чёрный парус беды

16+

Сергей Юрьевич Борисов

Черный парус беды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51567164

SelfPub; 2020

Аннотация

О яхтах и плаваниях под парусами пишут мало... Автор исправляет это досадное недоразумение. В повести "Черный парус беды" яхта с россиянами терпит крушение у берегов необитаемого острова в Атлантике, том самом, где когда-то зарыл свои сокровища знаменитый пират капитан Кидд. Мертвецы и наркотики к сокровищам прилагаются... В романе "Седой странник" герой вынужден отправиться через океан на плоту, иначе тюрьма и месть преступников за невыполненное поручение. В этом опасном путешествии компанию ему составляют седобородый старик и симпатичная девушка... Рассказы в сборнике тоже о яхтах и парусах, и о любви не только к дальним плаваниям, и о мечтах, которые обязаны сбываться.

Содержание

Черный парус беды	4
Глава вторая	19
Глава третья	43
Глава четвертая	62
Глава пятая	81
Глава шестая	101
Глава седьмая	125
Глава восьмая	139
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Черный парус беды

Повесть

Глава первая

Все. Приплыли.

Я тряхнул головой, но чище и просторнее в ней не стало. В глазах суетились какие-то мушки, и почему-то серебряные, с отливом. А во рту... во рту было такое, ну, как бы сказать? Словно кошки нагадили, но не по большому, а по маленькому. И еще эта шишка на затылке...

– Ты как?

Вид у Милы был аховый. Растрепанная, жилет порван. Но спокойная, как мамонт, как мамонтиха то есть.

– Нормально, – кивнул я, солгав на все сто процентов. Чувствовал я себя преотвратно, да по-другому и быть не могло. Но это ничего. Спасибо – жив, а что здоров – дело третье.

– Где все?

Прежде, чем ответить, Шелестова посмотрела по сторонам, словно хотела пересчитать всю нашу команду. А считать-то оказалось и некого.

– Не знаю.

Я хотел подняться, но не смог. Голова закружилась, проклятые мухи совсем озверели, те еще дрозифилы, так и мно-

жаться, так и множатся. Я перевернулся на живот, уперся руками и оторвал себя от земли. Со стоном и скрипом. За такую немощь в былые времена прапорщик Залого меня бы со свету сжил. Я бы у него сутки напролет упор лежа принимал!

Подтянув колени, я утвердился на четырех точках и только хотел продолжить движение дальше и вверх, как меня вывернуло наизнанку. Сначала выплеснулась вода с зеленоватой пеной, потом стало корежить на сухую. Все-таки большую часть океанской водицы я выдал ночью, прежде чем то ли заснуть, то ли сознание потерять. Второе – вернее. Не помню, чтобы мне что-нибудь снилось, даже завалящего кошмара какого. Значит, и не было его. Значит, вырубился я основательно.

Прокашлявшись и прочихавшись, я взглянул на Милу. Она смотрела мимо меня – в сторону моря, и глаза ее были, как осколки плохо вымытой молочной бутылки – мутные.

Я сглотнул: вот же, давно нет в моей жизни ни комвзвода Залого, ни молока в бутылках, сплошь в картоне, а помнятся и тот, и те. Я сглотнул еще раз. Горько, а все же не так мерзко, как раньше. Притомились киски, ну, хоть какой-то позитив.

Дождавшись, когда в голове прояснится окончательно и бесповоротно, я поднялся на ноги. Колени дрожали, плечи не желали распрямляться, но все же я вновь стал существом прямоходящим. И это было отрандно.

– Стою, – сообщил я Миле, но она и головы не повернула. Тогда я тоже стал разглядывать «Золушку».

Когда я увидел эту яхту в порту Кофреси, это неподалеку от города Пуэрто-Плата, то подумал, что имя ей дано не самое удачное. Назвали бы «Белоснежка» или «Рапунцель», прости Господи, все точнее было бы, потому как Золушка большую часть сказки замарашкой проходила. А тут... Яхта, на которой мне предстояло пересечь Атлантику, была, что называется, с иголочки: белоснежная, с небольшой, изящных очертаний рубкой, великолепной тиковой палубой. От яхты прямо-таки разило благополучием и самодовольством, ну, и большими деньгами, естественно. Конечно, я знал, что Федька Полуяров человек состоятельный, вернее, отец его, но что настолько – не предполагал. Роскошь, одно слово. Доступная взорам.

Сейчас же «Золушка» являла собой жалкое зрелище, впервые всецело оправдывая свое имя. Яхта застыла в самом невероятном положении: корма вздернута, корпус под наклоном градусов тридцать... А вот мачта уцелела, хотя стоячий такелаж в беспорядке. Хорошо немцы лодки делают, с запасом.

Тут накатила волна – покрупнее тех, что прежде облизывали берег. Волна ударилась о торчащие из воды скалы, подняв фонтаны брызг, а потом врезалась в борт яхты. «Золушка» вздрогнула и наклонилась еще больше – вперед, и накренилась – вбок. Гик¹, до того едва лишь касавшийся воды, по-

¹ Горизонтальная балка, одним концом подвижно закрепленная на мачте; служит для растягивания нижней кромки грота

грузился в нее.

Яхта лежала на камнях, точнее, на каменной платформе шириной метров двадцать. Справа и слева, судя по цвету воды, было глубоко. Но говорить о том, что «Золушке» не повезло, я бы не стал. Ее бы все равно разбило – не о платформу, так о берег, тут валунов достаточно, не помилуют.

Но что случилось, то случилось. Ночью шальная волна подняла яхту над иззубренным краем платформы, а потом со всей дури швырнула вниз.

Этот удар я помню.

Видно толком ничего не было, сплошь серая муть из ночной черноты и хлопьев пены, которую ветер срывал с гребней волн. Глаза мне были не помощники, зато о происходящем докладывал желудок. Сначала, сжавшись и заёкав, он проинформировал: вот, поднимаемся, сейчас взлетим. Потом, шмыгнув куда-то в район крестца, дал знать, что через миг – кратчайший и решающий – нас так приложит, что никому мало не покажется. Как раз наоборот: покажется много и всем.

Так и произошло. Грохот, треск, крики.

Громче всех кричал Федька.

Джон продолжал командовать, наивно полагая, что экипаж дружно кинется исполнять его приказ по демонтажу контейнера со спасательным плотом. Ага, как же.

Яхту тащило по камням. Шансов у нее не было. А у нас были. Берег – вот он, рядышком. Доплыть бы только. Или

вброд добрести.

Над моей головой пронесся гик. Не останься я в кокпите², будь на палубе, куда призывал нас Джон, гик мог запросто разmozжить мне затылок. Хотя, должен заметить, лобные доли у меня не крепче.

В общем – пронесло. Помилуйте, ничего неприличного, хотя и по-неприличному могло быть. Запросто.

А другие как? С ними что?

Джон был у штурвала и даже пытался рулить.

Чистый пытался помочь ему в этом бессмысленном деле.

Федор кричал. За мгновение до «девятого вала» он выбрался на палубу и пополз на бак. Может, якорь хотел бросить? Глупость несусветная, но с него станется.

Что касается Милы и Пети Козлова, они оставались в каюте. Туда они ретировались несколько часов назад, хотя Джон заверял их, что в кокпите и безопаснее, и не так страшно.

В этот момент огромная новая волна накрыла яхту. За ней еще одна, и еще. Сколько продолжалось избиение «Золушки», сказать не возьмусь. Может, десять минут, может, час, а может, и два. Все смешалось, как в доме Облонских. А потом обломилось, как в доме Смешанских: волны вдруг перестали терзать «Золушку», бросив ее на камнях с задранной кормой и спутанным такелажем.

– Сели! – прохрипел Джон. – На берег надо выбираться. Федор, ты живой?

² Углубление в палубе для рулевого и команды

Ответом на зов Джона был срывающийся голос Полуярова:

– Живой.

– Давай сюда.

– Не могу, я запутался.

– О, Господи!

Помянув Всевышнего, Джон следом помянул нечистого. Никакой принципиальности.

Повернулся ко мне:

– Андрей, ты в каюту, а я за Федором.

Я скатился по трапу и чуть не упал, споткнувшись о Петьку. Тот лежал на полу каюты, и глаза у него были выпученные, словно Козлов страдал базедовой болезнью, в чем раньше замечен не был. Петьку долго и обильно тошнило, но ему было не до того, чтобы выбраться из лужи. Паршиво ему было.

Я переступил через Козлова и направился в носовую каюту.

Мила лежала на койке. И ладно бы держалась за бортик или скобу в изголовье, которой немецкие конструкторы предлагали пользоваться при качке. Нет, она просто лежала, и если бы не уродливый комбинезон-непромоканец вкупе со спасжилетом, можно было бы подумать, что, вот, прилег человек покемарить, а тут ходят всякие, спать мешают.

– Мы на камни вылетели, – сообщил «всякий», то бишь я. – Но берег рядом. Пошли. Помогу.

– Ты ему помоги. – Мила повела подбородком в сторону кормы, где у трапа крючился Козлов. – А я сама. За вами.

Добравшись до Петьки, я пнул его пониже спины – обидно, но совсем не больно.

– Эй ты, кладоискатель хренов, вставай!

Петька заворочался и стал подниматься. Двигался он даже хуже, чем воображал. Но в итоге все для него кончилось благополучно. А что до синяков на ребрах, так это спишем на последствия шторма – одни из. Да, не сдержался, каюсь. Но ведь заслужил, тошнота! Если бы не его рассказы о пиратском золоте, мы бы у этих берегов не оказались, а шли бы себе к Марокко под штормовыми парусами и в ус не дули.

– Шевели сучками! – прикрикнул я, первым выбравшись в кокпит.

Петьку расклинило в проходе, он что-то мычал, и тогда я ухватился за плечевой ремень жилета и выволок Козлова из каюты.

Потом позвал:

– Мила!

И все. Больше ничего не помню. Очнулся я на берегу. Тогда же меня вывернуло раз, другой, и я снова отключился – теперь уже надолго, до утра.

– Как я здесь очутился? – спросил я Шелестову. – Кто меня вынес?

– А с чего ты взял, что тебя кто-то нес?

– Между прочим, я живой и на берегу.

– Когда я выбралась из каюты, ни в кокпите, ни на палубе никого не было. Я прыгнула в воду. Там было по пояс. Пошла к берегу. У самой кромки наткнулась на тебя. Вытащила.

– Спасибо.

– Я думала, ты – труп, а ты продышался.

– Тем более спасибо.

– Принято, – сказала Мила без улыбки. Я даже обернулся, чтобы убедиться: так и есть, серьезна, как на похоронах. Ох, и не нравятся мне дамочки с рояльными струнами вместо нервов. Мне бы чего попроще, попрямнее.

– Значит, никого больше не видела? – еще раз уточнил я.

– Никого.

– А следы?

– Здесь камни.

Ах, ну да, мог бы и сам сообразить. Камни, по следам не пройдешь, а без следов – только по запаху. Но талантливой псины Мухтара мы не имеем.

«Стоп, – одернул я себя. – Ты чего пургу несешь, уродец? Мухтары какие-то, девы с железными нервами. Тебе что, делать нечего?»

– Пойду пройдусь, – сказал я. И поразился, как дико прозвучали мои слова. Слишком обыденно для таких обстоятельств и такой обстановки.

– Я уже ходила. Сто шагов туда, – Мила показала налево. – Сто шагов сюда, – Мила показала направо. – Никого. На яхту надо. Напомним о себе миру.

Мне даже как-то неловко стало. Растерялся, потерялся. Разумеется, нам нужно на яхту. Там есть все, что делает жизнь яхтсменов начала ХХI века безопасной. Пусть и относительно, что следует из нашего бедственного положения. Там рация, там спутниковый телефон, там много разных электронных штукенций, с помощью которых можно сообщить людям на берегу, что у нас неприятности. Крупные. Что беда у нас!

– Согласен, – кивнул я и опасливо сделал шаг. Смотри-ка, ничего, вполне, не падаю. Готов к труду, а коли понадобится, то и к обороне.

Я поднял руку и пощупал шишку на затылке. Как источник боли она меня совсем не беспокоила, а вот своим происхождением – даже очень. Я ведь увернулся от гика. Тогда откуда она взялась? Может, когда я вытащил в кокпит Козлова, гик понесло обратно, и он заехал-таки мне по черепушке? Дальнейшее укладывается в схему: меня сбросило в воду, но я не захлебнулся, потому что был в спасжилете, волны прибили меня к берегу, потом Шелестова вытащила на камни. Все логично. Правда, больно гладко. А если не что, а кто? Но с какой стати кому-то бить меня по голове? Кому? Джону? Федьке? Чистому? Кстати, где они? И примкнувший к ним Козлов.

О плохом думать не хотелось. Думать вообще было тяжело, и я оставил это занятие. Будем решать вопросы по мере их возникновения, и по возможности не утруждая извилины.

– Я с тобой, – сказала Мила.

С валуна, на котором сидела, она поднялась легко и легким же шагом направилась к воде.

– Вот здесь надо, – показала она направление. – Я здесь шла.

Так и оказалось: ей – по пояс, мне – чуть ниже. Мы добрались до яхты и забрались на нее. Это оказалось нетрудно.

Тут вот такая штука. Если яхта на ровном киле, подняться на нее из воды без посторонней помощи – задача архисложная. В Голливуде на этом целый триллер построили. Типа: решили люди искупаться – все, всем было жарко, а штормтрап не вывесили, ну, и не смогли вернуться обратно. Я уж не помню в деталях, чем там все закончилось, но закончилось плохо. С «Золушкой» такой сюжет не прокатил бы. Ее проектировали в годы, когда в моде была приплюснутая, точно утюгом выглаженная корма. Имелся на ней и специальный трап для купальщиков, который можно было опустить и находясь в воде. Этим трапом мы и пользовались после освежающих морских ванн. Однако в данный момент «Золушка» стояла, задрав к небу корму, и трап, даже будь он опущен, нам бы не помог. Ну и бог с ним, с трапом этим. Крен яхты был так велик, что мы просто перешагнули через ее подветренный борт и оказались в кокпите.

– Люди! – крикнул я, не особенно надеясь на ответ. Его и не последовало.

Мила разглядывала окошки и датчики на консоли прибо-

ров. Я тоже взглянул. Экран картплоттера³ был разбит. Я стал нажимать на все кнопки подряд, но приборы дружно игнорировали мои старания: ни одно окошко не засветилось, ни один диод не мерцал, ни одна стрелка не дернулась. А ведь такого в принципе быть не могло! Чему в них ломаться, в приборах этих? Ну, ладно, есть чему, но чтобы все и разом? И к тому же, ток-то должен идти! Это как в машине после лобового столкновения: сама всмятку, а указатель поворота мигает и мигает.

– Не пашут, – сказал я не Миле – себе. – Может, что-то с аккумуляторами?

Я повернул ключ, но стартер остался глух и нем.

Ладно, попробуем по-другому.

Ночью каюту освещали лампочки аварийного освещения. Сейчас они не горели, но света, благодаря иллюминаторам, хватало.

Еще отличие, более существенное: ночью в каюте было сухо, а сейчас плескалась вода. Означало это одно: корпус яхты рассадил о камни. Судя по всему, поступала вода откуда-то из района килля.

В каюту я полез потому, что в ней над штурманским столом находились столь нужные нам сейчас средства коммуникации. На консоли в кокпите были только дублирующие

³ Картплоттер – прибор, содержащий приемник GPS, вычислительный блок с программным обеспечением, дисплей, клавиатуру управления и хранилище картографической информации. Картплоттер позволяет определять координаты судна, видеть положение судна на карте и т.п.

экраны с самыми необходимыми рулевому кнопками и тумблерами, а сама аппаратура – вот она, тучочки. Но в каком она была виде! Изувечена, изуродована.

Чем ее так?

Ответ плавал у меня под ногами. Это была крышка от ящика с навигационными инструментами.

На протяжении всего перехода через океан я ни разу не видел, чтобы Джон пользовался секстантом, линейкой, циркулем и транспортиром. Все эти замечательные изобретения человеческого ума оказались вытеснены на обочину прогресса компьютерными достижениями последнего времени. И то верно, зачем ловить линию горизонта, погружаться в вычисления, стараясь свести к минимуму погрешности, если за тебя все безошибочно сделает электроника? Тем не менее, комплект навигационных приборов на «Золушке» имелся. Секстант, хронометр и прочее покоились в ящике с откидной крышкой справа от штурманского столика. Вот этой крышкой, судя по всему, и лупили по приборам.

Итак, чем – понятно. Теперь следует проверить, насколько вдумчиво действовал разрушитель.

Я вернулся в кокпит.

– Что там? – спросила Мила.

Махнув рукой, мол, потом, я вылез на палубу и распустил молнию чехла спасательного плота. Запустил внутрь руку, пошарил – радиобуя на месте не было. Так, и здесь облом.

Я спрыгнул в кокпит и поднял люк, врезаемый в его

пол. Влажно чавкнули резиновые прокладки, обеспечивающие герметичность моторного отсека. Оттуда пахло так, что я отшатнулся. Солярка с электролитом – адская смесь. И все же я встал на колени, наклонился и... Первое, что я увидел, это пучок проводов, вырванных из блока цилиндров прекрасного дизеля «Вольво-Пента». Вандалу потребовалась секунда, чтобы лишиться мотор жизни – со всем его хваленым шведским качеством. Куда больше времени у него ушло на то, чтобы вывести из строя аккумуляторы: пока еще клеммы сорвешь и пробки открутишь...

Я захлопнул люк и доложил Шелестовой:

– Аккумуляторов нет, тока нет, ничего нет, одна надежда теплится.

– Не смешно, – сказала Мила.

– Да я, вообще-то, не веселюсь. Не с чего. Постой-ка...

Я снова нырнул в каюту. Потому что кое-что забыл. Очень важное. Но если забыл я, с тем же успехом мог забыть и... кто? Джон? Козлов? Чистый? Федор? Кто учинил этот разгром? Кому понадобилось оставить нас без связи? Какого хрена?!!

В каюте я дернулся к штурманскому столу – и выругался: не забыл, стервец!

Крепления были откинута, полка пуста, спутниковый телефон исчез.

– Андрей!

Я бросился вверх, к Миле.

– Что?

– Там!

Метрах в ста от нас по правому борту я разглядел оранжевое пятно. В воде, среди рифов. Что там такое? Бинокль нужен...

Бинокль оказался на своем «штатном» месте – в нише справа от рулевого. Я достал его, хотел прижать окуляры к глазам, но зрительные трубы оказались сдвинутыми, так что мне пришлось подстроить их под себя.

Так, вот оно, пятно, только не пятно это вовсе...

В одежде яхтсменов торжествует «унисекс» – что для мужчины одежда, что для женщины, все едино. К тому же, комбинезоны-непромоканцы нивелируют фигуру, так что со спины не всегда разберешь, кто перед тобой – мужчина или женщина, высокий человек или не слишком, худощавый или средней упитанности. Ну, а если человек в воде, если над ней только «горб» спасжилета, а голова скрыта капюшоном, то не разберешь ни за что и никогда.

Пока я возвращался на берег, пока бежал по нему, пока понял, как подобраться к человеку среди камней, я гадал: «Кто?» И перебирал, как несколько минут назад, ту же обойму имен. Федька? Чистый? Джон? Козлов?

Дважды я оступился: раз – по горло уйдя в воду, а второй раз – с головой. Эта заминка позволила Шелестовой опередить меня. Я нагнал ее в тот момент, когда она ухватила человека за плечи, приподняла...

Это был Чистый.

Глава вторая

Мы выволокли Чистого на берег.

Я был спокоен – ни трепета, ни дрожи. Будто дело это для меня привычное, даже наскучившее, тела бездыханные таскать. А это не так, переноска трупов – занятие мне незнакомое, так что можно было бы и психануть. Чего ж не психую? Да, мне не нравился Чистый, но мое нынешнее хладнокровие прежняя неприязнь не оправдывает. Нравился, не нравился... Человек все-таки, можно и поскорбеть, и вздохнуть горько, а то и слезу смахнуть. Но не получается, не скорбится и не плачется. Отчего так?

И тут я понял. Потому что о себе больше думаю, чем о Косте. Потому что у меня шишка, а у него точнехонько в этом же месте череп проломлен. А могло быть наоборот: я лежал бы хладным трупом на берегу португальского острова Селваженш-Гранди, а надо мной склонялся бы помятый, но живой Костя Чистый. И за что поручусь, так это что ни слезинки бы он по мне не проронил, сволочь этакая.

Я натянул капюшон на лицо покойного. Для этого мне пришлось слегка распуścić молнию у горла и поддернуть куртку вверх. Оранжевая ткань скрыла посиневшие веки и щель полукрытого рта.

А зубы-то у Чистого сплошь керамика, невольно отметил я и даже поежился от того, что обращаю внимание на такие

вещи в такую минуту.

Я быстро взглянул на Шелестову. Не заметила ли она чего по моему лицу? Не претит ли ей находиться в обществе растленного типа, на которого даже смерть близкого человека никак не действует? Ну, не близкого, но давнего знакомого, не так уж много это меняет.

– Это гиком его, – сказала Мила.

– Не думаю, – покачал я головой. – За борт скинуло, может, и гиком, но вмятина на затылке аккуратная, почти круглая, это его, наверное, о камень приложило.

Мы помолчали, потом Шелестова проговорила с запинкой:

– Что делать будем?

О том, что связи с материком у нас нет и в ближайшее время не предвидится, я ей уже рассказал.

– А что делать? – пожал я плечами. – Только ждать. Рано или поздно на острове появятся люди. Сюда и экскурсантов возят, и орнитологи здесь частые гости.

– Я о другом. Что с ним делать будем?

Опять я ее не сразу понял. Я про Фому, а она про Ерему, про Костю то есть.

– Петька говорил, тут пещер много. Можно туда отнести. Но ее еще найти надо, пещеру. А можно и здесь оставить, только камнями завалить, а то птицы расклюют. Вон их сколько!

Над скалами вдали царила суматоха. Несколько десятков

птиц кружились в воздухе. На земле их было во много раз больше. Тот же Петька рассказывал, что на островах архипелага Селваженш находится одна из крупнейших колоний атлантических буревестников, а эти гордые смелые птицы падалью не брезгают.

– А с остальными как?

– Искать будем, – сказал я. – И надеяться.

Я обложил Чистого камнями. Шелестова мне не помогала. Видно было, что нет у нее сил. Если какие и оставались после минувшей ночи, то за последний час все истратила, до капли.

– Можно идти, – сказал я и швырнул булыжником в птицу, приземлившуюся неподалеку и проявлявшую к нам здоровый голодный интерес. Не попал.

Прежде, чем двинуться в поход, как тот Мальбрук, я постоял над холмиком, укрывшим Константина Чистого. Пусть земля ему будет пухом. Хотя тут и земли-то нет, камни одни...

* * *

С Чистым я познакомился три года назад.

Предшествовало встрече мое решение воплотить в жизнь давнюю мечту.

Многие мальчишки в детстве грезят парусами. Я тоже не избежал этой участи. Каравеллы, фрегаты, бригантины. Колумб, Джеймс Кук, Васко да Гама. Стаксели, брамсели, топсели. Приказ: «Свистать всех наверх!» В общем, полный набор.

Любимой моей книгой стал «Морской волчонок» Майн Рида. Ему на смену пришел «Остров сокровищ» Стивенсона, с которым мирно уживалась «Одиссея капитана Блада» Сабатини. В классе восьмом на полку с любимыми книгами встала еще одна – «Наследник из Калькутты» Штильмарка.

К этому времени я уже перестал ходить в судомодельный кружок, оставив бесплодные попытки воспроизвести в дереве шхуну «Испаньола», на которой Джим Хокинс, Сильвер и компания отправились за сокровищами капитана Флинта. Оказалось, руки у меня не под то заточены и не оттуда растут. Как ни старался, ничего путного не выходило, все вкривь и вкось, ну, я и бросил это дело, чтобы не позориться.

К сожалению, Клуба юных моряков у нас в городе не было в связи с его сухопутным статусом. Не было у нас и парусной секции. Ближайшая базировалась за тридцать километров на Истринском водохранилище, не наездишься.

В общем, разнообразные и многочисленные преграды обложили меня со всех сторон, не позволяя хотя бы на шаг приблизиться к мечте. Но я все равно трепыхался! Когда пришла пора определяться с послешкольным будущим, я разослал необходимый комплект документов по трем адресам: в Ленинград, в Одессу и Мурманск. Но вместо вызова мне пришли уведомления, что по медицинским показателям я не могу быть допущен к вступительным экзаменам. До сих пор толком не знаю, что это за напасть такая – «незаращение баталлова протока». Какой-то дефект межпредсердной

перегородки. Но обычно с возрастом это проходит. Зарастает, подлюка! Так говорили мне врачи московские, однако их коллеги из Мурманска, Питера и Одессы постановили иначе: «Не быть тебе, Андрей Говоров, ни штурманом, ни капитаном, и большой корабль под твоим командованием никогда не выйдет в открытое море».

Фиаско было оглушительным, но я мужественно пережил поражение. А напоследок выдал аккорд! На выпускном экзамене по литературе десятиклассникам были предложены три темы сочинения: что-то о Базарове, что-то о закалке стали и «Мой любимый литературный герой». Причем подразумевалось, что и здесь будет повествование либо о Евгении Базарове, либо о Павке Корчагине. Разумеется, я выбрал третью тему, как самую «свободную», и написал о Джошуа Слокаме. Моя домашняя «морская» библиотека как раз пополнилась его книгой об одиночном плавании вокруг света на яхте «Спрей». Экзаменаторы были сильно удивлены, не обнаружив в моем опусе ни Базарова, ни Корчагина, однако формально условия нарушены не были, и сочинение приняли к рассмотрению. И даже высоко оценили: 5 – за «русский», 5 – за «литературу».

Но это был действительно последний аккорд. Или прощальное крещендо. Потому что поступил я в институт, ни малейшего отношения к морю не имеющий, институт культуры. Впрочем, воды на наши головы там лили много. Но это в любом институте так: сначала на тебя льют, а потом ты

льешь на экзаменах – в надежде, что преподаватель из твоего словесного потока выудит что-то разумное, дельное и отпустит с миром.

За институтом последовала армия. Врачи из военкомата никакого «незаращения» у меня не нашли. А может, просто не знали, где этот «баталлов проток» искать. Вынесли вердикт: «Годеи!» – и пошел я сапоги топтать.

Отдал дань Родине – вернулся. И тут судьба выкинула коленце, направив меня на стезю журналистики. Время было такое, начало 90-х, библиотекари и руководители народных хоров с высшим «культурным» образованием были без надобности, а вот людей, умеющих слова в статейки складывать, не хватало.

Так я в журналистике и застрял. Звезд с неба не хватало, да не особенно за ними и тянулся. От писанины с годами вообще отошел. Стал выпускающим редактором, а это должность больше техническая, чем творческая. Собрать тексты, подобрать фотографии, проследить за версткой – и в типографию. Нормальная работа, в общем. В меру нервная, не слишком пыльная. А когда мне посчастливилось прилипнуть к одному корпоративному журнальчику, стала она и довольно денежной.

Вот тогда я и вспомнил о своей мечте, о которой все эти годы старался даже не думать, потому как проку нет, коли карман пуст. Яхтинг – удовольствие дорогое.

Я навел справки, и выяснилось, что, да, действительно,

дорогое, однако не настолько, чтобы я в своем нынешнем положении не мог к нему прикоснуться. Если не зарываться, не закидываться сразу на Таити, Сейшелы и прочую экзотику, то, вроде, как и по средствам мне это хобби.

Еще выяснилось, что в Москве яхтенных школ – десятка полтора. Выбрал я «именную» – школу Николая Пирогова, уж больно хороши и красочны были о ней отзывы бывших курсантов.

Располагалась школа в небольшом особняке, затерявшемся в переулках между Покровкой и улицей Забелина. Я приехал туда, отдал должное морскому антуражу, с каким было оформлено помещение, и заплатил за теоретический курс. За ним должна была последовать практика, но где я ее буду проходить, в Черногории или Турции, с этим я еще не определился.

На первом занятии я и познакомился с Константином Чистым и Федором Полуяровым.

Хотя, что значит «познакомился»? Никто нас друг другу не представлял. Просто Сергей Арнольдович, наш преподаватель, проявил себя незаурядным психологом, начав с того, что попросил нас рассказать, чего, собственно, мы хотим.

– На Самоа хочу, – сказал я. – Всегда мечтал поклониться.

– Понятно, – кивнул Сергей Арнольдович. – Город Апия. Гора Веа. Могила Роберта Луиса Стивенсона. Угадал?

– Да-а, – уважительно протянул я.

– А вы?

– Я... – девушка справа от меня хотела ответить, но запнулась и покраснела.

Сергей Арнольдович не стал настаивать. Тактичный человек.

– А вы? – спросил он.

– Я с ним, – женщина лет не преклонных, но уважительных, сидевшая через проход слева от меня, положила руку на локоть своего соседа, седовласого и ухоженного. – Ему хочется, а я его одного в море не отпущу.

– Не отпустит, – подтвердил сосед, он же, очевидно, супруг. – Вот, думаем приобрести небольшую яхту и держать ее в Болгарии. Мы там к пенсии маленький домик купили. Так что будем совершать прогулки под парусом.

– А вы? – вопрос был обращен к мужчине приблизительно моего возраста, ну, или чуть моложе. В дорогой рубашке, в дорогих ботинках, с дорогими часами, с дорогим галстуком, в очках от «Тиффани».

Ответ прозвучал не сразу, словно мужчина решал – отвечать или нет, а если отвечать, то правду или отделаться общими фразами.

– Хочу попробовать, – наконец проговорил он. – Вдруг понравится?

Я не понял, сказал он то, что думает, или это только слова и ничего, кроме слов. А что я уяснил, приглядевшись, так это что рубашка, ботинки, часы – из дорогих, но не из «топовых». Только за оправу не поручусь.

– А скажите, Сергей, – не стал дожидаться своей очереди последний из нас. – Где лучше яхту покупать? Костя говорит, – парень с лицом простодушным и восторженным повернулся к мужчине в «Тиффани», – что заказывать на верфи ни к чему. Разорение одно и ждать долго. Проще купить «юзаную» где-нибудь на Багамах и перегнать в Европу. Лодки там недорогие, американцы их быстро меняют, вот и получается качественный товар по доступной цене. Так или не так?

– Ваш товарищ... – Сергей Арнольдович сверился со списком: – Федор, правильно? Так вот, ваш товарищ, Федор, абсолютно прав. Одна и та же лодка, то есть одной фирмы, одного возраста и одинаковой степени изношенности на Карибах и в Средиземке стоит совершенно по-разному. Там – меньше, здесь – во Франции или Испании, даже в Греции и Хорватии, – больше. Я бы даже сказал, неоправданно много!

Таким было наше знакомство. Выпускающего редактора Андрея Говорова – с одной стороны; партнеров-предпринимателей Константина Чистого и Федора Полуярова – с другой.

Что они за предприниматели, в каком бизнесе подвизаются, выяснилось позже, а некоторые существенные детали – позже значительно. И тому есть объяснение.

Должен признаться, что, став курсантом яхтенной школы Николая Пирогова, на первое занятие я отправился не без внутреннего напряжения. А что, если там окажутся одни нуво-

риши? Сплошь пресыщенные дяденьки и тетеньки или, наоборот, «золотая молодежь», которой вздумалось добавить себе в актив еще одно модное спортивное увлечение – после горных лыж, дайвинга и стрит-рейсинга. Начнут пальцы гнуть, через губу цедить, глазами щупать, словечками-брендами кидаться, эдак будто невзначай. И не то, чтобы я тушевался перед такими людьми, но неприятно как-то, неуютно.

Оказалось, что тревожился я напрасно. Конечно, разница в благосостоянии наличествовала, ее не скроешь, но кичливости, назойливой демонстрации своего финансового благополучия не было. С чем бы сравнил, так это с баней: все голые, и уже тем равны. Причем с баней финской – финской классической, народной, где мужчины и женщины парятся вместе, не стыдясь друг друга и друг друга не смущая, где неуместны сальные взгляды и невозможны грязные намеки.

Все было очень по-дружески. Настолько, что через пару занятий стеснительная девушка Света перестала с пугающей регулярностью заливаться краской.

Помню, я подумал: сбылась мечта идиота, вот люди, для которых парус – образ жизни, и смысл, и цель.

Если бы не Чистый, я бы даже не оставил места исключениям.

– Мужа ищет, – сказал он о девушке Свете. – Принца. С белым конем и белой яхтой.

– Будут помидоры кушать и сливовицей запивать, – сказал Костя о супружеской паре с недвижимостью около Варны. –

А яхту на прикол поставят, чтобы перед заезжими родственниками хвастаться.

Что-то говорил Чистый и обо мне, наверняка говорил. Может, посыпал щебнем мой идеализм, а может, вполне допуская, оттоптался по моей «Витаре». Сам-то он ездил на «Туареге».

Зато Федька катался на навороченном «Патроле» длиной с полквартиры! И было Чистому до Полуярова-младшего, как до Луны.

Однако, повторяю, о том, кто из них что, я узнал много позже. А тогда, в школе, на занятиях и перекурах, на мелкие камешки в чужие огороды я решил внимания не обращать. Ну его, Чистого этого! Я и потом поступал так же – игнорировал, когда под руководством все того же Сергея Арнольдовича мы в едином порыве проходили практику в Черногории, в городе Бар, на борту яхты «Бавария 45».

После практики – с получением дипломов, что было отмечено обильными возлияниями, – наши дороги могли разойтись. Честно говоря, именно этого я и ожидал. Однако параллель с пляжными романами, день кончины которых всегда совпадает с датой отъезда, в данном случае оказалась несостоятельной. Общение наше продолжилось, и пусть встречи были нечастыми, но они были. Правда, всегда в разном составе. Чаще всего в посиделках в маленьком кафе на Покровке не участвовали муж с женой, которые так съехали из Москвы в Болгарию, и в Россию теперь наведывались лишь

изредка. Кстати, яхту они действительно купили и, против ожиданий Чистого, регулярно бороздили на ней Черное море. Потом компания наша «похудела» еще на одного человека. Девушка Света встретила свою судьбу. Не «принца», но солидного и состоятельного бизнесмена. Вместе они участвовали в любительской регате по маршруту Родос-Крит-Родос, ну, и сладилось. Избранник Светы занимался торговлей оливковым маслом. Недалеко от Ираклиона, столицы Крита, у него был дом, куда Света и отбыла из наших палестин с твердым намерением надолго обосноваться в Греции. Девушка она была не глупая, так что все у нее обещало получиться. Я ей так и сказал на свадьбе, на которую был приглашен в качестве «морского друга»: не тушуйся, Светка, семь тебе футов под килем. Федька Полуяров выразился в том же смысле, подарив молодым по паре роскошных яхтенных перчаток. А вот Костя Чистый остался «за бортом», не позвала его Света. Видимо, не забыла ни его снисходительных усмешек, ни высокомерия. Вот и отомстила, дав понять, кто он таков есть. Да никто! Другой человек плюнул бы и растер, но Чистого такое пренебрежение зацепило. И еще как! В этом я убедился во время следующего нашего кофепития на Покровке. Когда речь зашла о Свете и ее свадьбе, он позволил себе в ее адрес такие непристойности, что мы с Сергеем Арнольдовичем, тоже заглянувшим «на огонек», чуть ли не в один голос велели ему заткнуться. Даже Федька высказался в том смысле, что ты, Костян, того, палку-то не переги-

бай. Для Полуярова-младшего, относившегося к жизни легко и всячески избегавшего каких бы то ни было конфликтов, это был почти подвиг. И Чистый заткнулся, побагровев и набычившись. А я пожелал себе пореже с ним видаться – не тот он человек, не моего круга, ну и пусть остается за окружностью. К сожалению, редко все выходит так, как тебе желается. Кофепития наши продолжались, и Чистый на них исправно являлся. Думаю, он боялся выпустить Полуярова из своего поля зрения. А что, если взбрыкнет Федюша, набедокурит? И если взбрыкнет, как сильно это скажется на его, Кости Чистого, судьбе? Не перестанет ли известный магнат Полуяров-старший благоволить к генеральному директору одной из своих многочисленных компаний? Нет, рисковать Чистый не хотел. Потому и приходил, и кофе пил, и улыбался даже. Но меня на мякине было не провести: раскусил я Чистого и все о нем понял. Гниль, а не человек. Подпустишь к себе – и так запачкаешься, что хрен отмоешься. А уж в экипаже такой тип – сущее проклятие. Я это понимал, и потому, как ни звал меня Федор разделить компанию, в карты с ними никогда не ходил.

– Федь, – говорил я. – Ты прости, но я с Чистым на одном поле не присяду.

А теперь о том, как я капитулировал.

– Надо увидаться, – сказал Федька, позвонивший мне на мобильный.

– Не телефонный разговор? – поинтересовался я.

– Вроде того.

– Ладно, увидимся. Где?

– В нашем кафе. Через час будешь?

Прикинув, успею ли, я сказал:

– Буду.

Я был немало заинтригован, что же такого срочного и важного могло случиться в безоблачной жизни наследника магната Полуярова, поэтому постарался и успел.

Федька меня уже ждал.

– Здорово, – приветствовал его я.

– Здоровей видали, – откликнулся Полуяров, озаряясь улыбкой. Из этого я заключил, что у него все замечательно, а если брать в расчет ширину улыбки, так просто великолепно.

Я не ошибся, Федька и впрямь был на верху блаженства. Он затараторил, и вот, что я узнал.

Отец дозрел. Полуяров-старший наконец-то уверился в том, что паруса и море для сына – не прихоть, а серьезное увлечение, из тех, что на годы, а может, на всю жизнь. А, уверившись, отстегнул кругленькую сумму, чтобы сын не чартами пробавлялся, а купил себе собственную яхту.

Такая щедрость со стороны заслуженного российского магната была делом неслыханным. Потому что по натуре Полуяров-старший был скупердям. И будь его воля, держал бы он своего сынулю в черном теле. Но, увы, положение обязывает. Сын олигарха – зеркало олигарха, заглянуть в которое может каждый. Таковы правила. Как о человеке поначалу су-

дят по одежке, так о состоянии человека – по поведению его отпрысков. Посему приходилось Полуярову-старшему сына своего Полуярова-младшего баловать. Хорошая машина, си-некура вместо работы, плюс вояжи заграничные, рестораны самые лучшие, это уж само собой. Но когда сын заговорил яхте, отец встал на дыбы: блажь! Потом, впрочем, смилился и поставил условие: отучись сначала, походи в регатах, а уж потом... потом поговорим. И на днях свершилось: длившийся без малого три года испытательный срок закончился.

– Отец в своем репертуаре, – откровенничал Федор. – Денег на лодку дает, но и пределы ставит. Я даже опешил сначала, откуда ему известно что, где и сколько? Потом сообразил: это его Костян просветил. Короче, отец сказал, чтобы я шишко варешку не разевал. Все отследит, за каждый доллар спросит. По всей строгости! А то я не знаю, как он спрашивать умеет.

– Ты не об отце, ты о лодке скажи, – перебил я Полуярова. – Нашел? Выбрал?

Федор даже руки потер от удовольствия:

– А то! И знаешь, где? В Доминикане! Отдают не задарма, но о европейской цене за такую красавицу явно не в курсе. А знаешь, кто мне ее подыскал?

– Чистый, – даже не делая вид, что гадаю, сказал я.

– Он самый! – хохотнул Федька. – Ой, только не морщись. Знаю, как ты к нему относишься. Но, Андрюх, согласишься, па-

рень он оборотистый. Не без недостатков, признаю, но кто из нас ангел? Нет таких! Это бесов хватает, а с ангелами всегда дефицит.

– Оборотистый, значит, – повторил я, чувствуя, что Полуярова сейчас унесет куда-то в сторону.

– Еще какой! Вот ты не знаешь, и я не знал, а Костян за три года, что мы к парусу прибились, уже пять яхт из Америки пригнал.

– Сам? – поразился я.

– Не сам, конечно, команду нанимал перегонщиков. Такая у него халтурка на стороне. А что, зарегистрировал фирму честь по чести и гоняет лодки потихоньку.

– А отец твой не против? Ну, что его клевет на стороне подъедается?

– Не против. Вообще, есть у меня подозрения, что в «пироговскую» школу Костян за мной не просто так увязался, не из любопытства или солидарности. Думаю, его отец об этом попросил, ну, проследить, что со мной и как. Воспользовался тем, что мы с Чистым давно знакомство водим, ну, и попросил. А Костя не посмел отказаться, хотя ему тогда яхты были, как дураку гармошка. Но я его не осуждаю: как откажешься? Батя мой его пригнул, в люди вывел, к деньгам подпустил, теперь время по счетам платить, а то ведь могут и перекрыть ручеек, у отца с этим запросто. Официант!

Пока Полуяров заказывал кофе: «По чашке двойного», я думал о том, что, вероятнее всего, кругом Федор прав, а в

чем чуть-чуть ошибается, так это в сроках. Не три года назад, а давным-давно к нему Чистый приставлен. Соглядатай, едренить!

– Поздравляю, – сказал я. – Ты – хотел, ты – получил. Я-то здесь каким боком?

– Понимаешь, Андрюх, я хоть под отца и прогибаюсь, а все же обидно, когда за тебя решают, условия ставят, рамки. Так порой бурнуть хочется, страсть прямо! Ну, я и бурнул. Сначала поблагодарил благодетеля, а потом сказал, что совсем даже и не против, чтобы мне Чистый помог на Карибах лодку найти. Отец на этом настаивал, а то, говорит, тебя, недотепу, всякий на бабло разведет. Хорошо, киваю, по всем пунктам согласен, но яхту в Европу поведу я. Сам! Я – капитан! Ждал, что отец заартачится, а он слова не сказал и вдруг посмотрел на меня... уважительно, что ли. Я и не припомню, когда такого взгляда достаивался. Последний раз, пожалуй, когда отказался жениться на дочке министра, та еще уродина, а у отца с министром этим тесные завязки были. Получается, он на меня, как на козырь, ставку делал, а я его кинул. Вот тогда он на меня так же посмотрел – с уважением. Как на равного. Почти.

– Ближе к телу, отец Онуфрий, – осадил я Федора, по обыкновению взявшегося растекаться мыслью по древу. – Ты, как я догадываюсь, хочешь, чтобы я с тобой через Атлантику пошел, так?

– В точку! На полном моем финансировании. Пошли, а?

У меня же опыта таких дальних переходов нет.

– И у меня нет, – напомнил я.

– Так будет!

Официант поставил на столик чашки. Я придвинул к себе кофе, но пить не стал.

– А теперь, Федор, честно и прямо. Зачем я тебе на борту нужен?

Полуяров глаза не отвел:

– Честно? Мне человек надежный нужен. Опытный будет, американского шкипера подрядим, есть на примете, а нужен надежный. Я облажаться боюсь. А Костя потом все отцу доложит.

– Так Чистый тоже пойдет?

– В том-то и дело! Отец настоял, а Костя сделал вид, что его и просить не надо: он с радостью.

Я надорвал пакетик с сахаром и высыпал белые кристаллики в чашку. Полуяров почувствовал, что надо давить, и надавил:

– Выручи, Андрей. Я для отца всегда балбесом был, а тут вроде как изменилось отношение. Один раз я шанс уже упустил, ну, когда женитьбу обломал, я тогда в загул ушел, глупостей наделал, а теперь не хочу. Должен соответствовать! Все же я наследник империи. Я, а не Костя Чистый.

– Ну, не загибай. У него калибр не тот, – успокоил я Полуярова. – Вот что, сейчас я тебе ничего не скажу, подумать надо. Завтра скажу.

На следующий день я позвонил Федору и сказал «да». Объяснять ничего не стал, а он и не настаивал. Ему был важен результат. А может быть, подумал Полуяров, что Андрюха Говоров такой человек, что всегда в беде товарища выручит, не бросит на растерзание самодурам и завистникам. На самом деле не такой уж я расчудесный человечиче. Я как рассудил? Пара месяцев на одной лодке с Чистым – это, конечно, испытание для нервной системы. Но ведь мы не одни на борту будем. Значит, не зашкалит, смогу пар выпускать, тот же Федор – чем не громоотвод? Ну, и главное. Всегда хотел побывать в Доминикане. Вообще на Карибских островах. А уж о том, чтобы пересечь океан под парусом, об этом и не мечтал. Нет, мечтал, разумеется, но по-детски, как пацанята мечтают о полете на Марс и встрече с инопланетянами. А тут вот оно, бери и пользуйся. Так что же, я из-за какого-то урода такой возможностью пробросаюсь? Да не в жисть!

– Когда отправляемся? – спросил я. – Говори сразу, а то мне еще на работе надо внеплановый отпуск выцыганить.

– Через три недели, – ответил безмерно счастливый Федор. – Годится?

– Вполне.

– Ох, Андрюха, спасибо тебе. Как наш Арнольдич говорит: не спас, но выручил. А на Чистого ты наплюй. Тебе с ним детей не крестить!

И не знал Полуяров-младший, и я не знал, что роль крестного в принципе не для Кости Чистого. Что разобьет он свою

головушку о камни далекого острова Селваженш-Гранди, и голодные буревестники будут считать его своей законной добычей.

* * *

– Кыш! Кыш!

Кричать было бесполезно – не голуби, да и не понимают эти португальские птички русского языка. Поэтому пришлось мне нагнуться за еще одним булыжником. Я запустил им в ближайшего буревестника. И опять не попал, но хотя бы отпугнул.

Мила тем временем снимала непромоканец. И то верно, становилось жарко.

Я тоже разодрал «липучки» и снял сначала куртку, а потом штаны на помочах.

Одно название «непромоканец». Это на борту он и помогает, и защищает, а если в нем искупаться, то пропускает воду за милую душу. Окунуться довелось и мне, и Миле, поэтому ее бирюзовый спортивный костюм от «пумы» был весь в темных влажных пятнах, а мой «адидас» так и вовсе по пояс насквозь. Ничего, обсохнем.

Вернув на ноги яхтенные сапоги, мы были готовы тронуться в путь. Напоследок я сунул в карман бутылку минеральной воды, которую прихватил с «Золушки».

Все, почапали.

Шли мы молча. И молчание было не в тягость. Есть люди, которые испытывают потребность заполнять вакуум сло-

вами. Если человек рядом с ними молчит, их это пугает. Сразу появляются тревожные мысли. Я его чем-то обидел? Я ему неинтересна? Ответов нет, и тогда эти неврастеники начинают сыпать словами – ничего не значащими, пустыми и лишь раздражающими собеседника, вынужденного напрягаться, собираться и что-то отвечать. Ни я, ни Шелестова таким комплексом не страдали. Поэтому и шли молча. О чем думала Мила, мне было неизвестно, а я ни о чем не думал. Вернее, ни о чем конкретном. А то запаникую еще. Оно мне надо?

Мы оставили позади «Золушку», смотревшуюся жалкой сироткой, мало покалеченной, так еще и «безъязыкой». Кто же тебе «голоса» лишил, бедную?

Ну, вот, не хотел мусолить, гнал от себя, а вопросы, заразы такие, возвращаются и возвращаются.

Кто раскурочил аппаратуру?

Кто не пощадил дизель?

Где остальные?

Камни под ногами, темно-серые от росы, на глазах становились сухими и светло-серыми. Через тонкие подошвы сапог я чувствовал их неровные края.

Берег круто изгибался, и в месте изгиба была каменная гряда – не очень высокая и вовсе не неприступная.

Мы поднялись на нее.

За грядой берег продолжал изгибаться вправо, упираясь вдали в новую гряду.

– Смотри, – сказала Мила.

Перед нами лежало каменистое плато. Кое-где среди валунов виднелись кусты, и только это мешало употребить определение «лунный пейзаж». К тому же, пусть вокруг и царило безлюдье, но следов рук человеческих было предостаточно. Рвы, ямы...

Мы спустились с гряды и подошли к траншее шириной около двух метров и длиной метров восемь. На дне траншеи валялись пустая пластиковая бутылка и смятая сигаретная пачка. В углу сбились в неопрятную кучку фантики от конфет.

Следующий раскоп был в двадцати шагах от первого.

Увидев, что я шевелю губами, Мила спросила:

– Ты что делаешь?

– Шаги считаю.

– Зачем?

Я повел плечом. Напомнить ей о рассказах Козлова? О капитане Кидде и его сокровищах? О раскопках, что ведутся на этом острове уже двести лет? А раскопки, между прочим, именно так и ведут – квадратно-гнездовым методом, выбирая определенный «шаг». Вот его-то я и хотел определить. А вот зачем – не знаю.

По «горизонтали», то есть вдоль берега, «шаг» равнялся двадцати шагам. А что у нас с «вертикалью»?

Я опять зашевелил губами, высчитывая расстояние между первым и вторым рядом траншей. Расстояние равнялось

тридцати шагам.

Интересно, честное слово, интересно, что за карта сподвигла кого-то на такой титанический труд? Уж наверняка не хуже той, что была у Козлова. Чтобы столько камней наворотить, столько всего нарыть, надо очень верить, что карта – подлинная, и крестик на ней стоит там, где надо. А что копать пришлось тут и там, так это береговая линия виновата. Изменилась за столько-то лет. Что не удивительно: штормы, ураганы, отголоски Лиссабонского землетрясения 1755 года. Да и с другими ориентирами наверняка та же проблема. Была гряда, скажем, в ста шагах от крестика, а стала в восьмидесяти, потому что оползни, эрозия, подвижки всякие.

Я поднял обломанный черенок от лопаты. Взвесил на руке, ухватился половчее, крутанул. Не бейсбольная бита, да же не ножка от стола, но ничего, сойдет, махать можно. А то кто их знает, этих кладоискателей. Вроде бы пусто вокруг, а ну как полезут изо всех нор? Ересь, конечно, нет здесь никого. Да и не думаю я, что нынче охотники за сокровищами с ножами наперевес на чужаков кидаются. А все же с дубинкой в руке спокойней как-то.

Я обернулся. Шелестова была далеко, у берега. Она стояла на каменном отвале и смотрела себе под ноги.

Ох, и не понравилось мне это.

Я направился к ней. Потом побежал.

– Мил, ты что?

Тут я и сам все увидел. На дне ямы, на краю которой сто-

яла Мила, лежал Джон. Рядом с ним валялся спутниковый телефон.

Телефон был разбит. Джон мертв.

Глава третья

– Я знала, я знала, – вдруг зашептала Шелестова.

Вот только истерики нам и не хватало. Сейчас потекут слезы, а за ними сопли. Что, бить ее тогда по щекам, в чувство приводить? Никакого желания! Из желаний у меня сейчас одно: оказаться подальше от этого острова. И забыть обо всем напрочь, чтобы в будущем не просыпаться среди ночи от хриплого крика Петра Козлова: «Пиастры! Пиастры! Пиастры!»

Я отбросил черенок-дубинку и спрыгнул в яму. Глубиной она была метра полтора, ну, может, побольше.

Джон был совсем холодный. Получается, умер он несколько часов как.

А как умер?

Приподняв голову Джона, я увидел, что затылок его в крови. Что же, сначала Чистый, а теперь Джон? Очень, знаете ли, похоже на *modus operandi*, преступный почерк убийцы.

Я пригляделся, хотел даже потрогать, но не стал, боязно как-то. Нет, господа, нет тут преступного умысла и почерка никакого нет. Вот он, камень, о который приложился Джон. А вот царапина на стенке ямы, это он ногой зацепился, когда падал. А вот другой камень, на который упал спутниковый телефон. Невезуха в квадрате!

Я закрыл Джону глаза и вытер повлажневшую от росы ла-

донь о штаны. Страх какой! Как бы меня тоже не затрясло, как Шелестову.

Как там она? Я поднял голову. Милы на краю ямы не было.

Звать ее я не стал. Сначала дело.

Я взял телефон и повернул ручку. Нет, вдребезги, такого удара никакая техника не выдержит. Но удостовериться следовало. Теперь последний долг перед покойным. Я поступил так же, как с Чистым, ослабил молнию и укрыл лицо Джона капюшоном. Может, надо что-то сказать? Ну, типа, «спи спокойно, дорогой товарищ» или «прости, Джон, что не уберегли». Но я ничего не сказал. И вообще, господин Говоров, оставьте ваше дешевое зубоскальство, имейте почтение к усопшим.

Я выбрался из ямы. Шелестова сидела на корточках, спрятав лицо в ладонях. Я присел рядом. И только хотел сказать, что, дескать, бывает, шел и оступился, никто не застрахован, как Мила опустила руки. Под ее глазами – серыми, будто выцветшими, – набухли синяки. Веки покраснели. Но она не плакала и сказала четко, без недавней истерической задышливости:

– Его толкнули?

Об этом я как-то не подумал. Потому что, действительно, могли и толкнуть. Расшибся сам, но не без помощи. Кто толкнул? Не я. И не Мила, это не обсуждается. Остаются две кандидатуры, потому как остров необитаем, а про пиха-

ющихся призраков я еще не слышал. Таким образом, кандидаты в непредумышленные убийцы Козлов и Федор Полуяров-младший.

Что ж, логика налицо. Да только не верится мне в такой разворот, бред это, а не версия. Сам споткнулся, сам упал и голову себе проломил. Просто, быстро, надежно.

«Опять? – одернул я себя и себе же ответил: – Все, больше никакого цинизма».

Зарекся – и тут же выдал:

– Значит, не все умерли. А ты боялась.

Шелестова глянула на меня ошалело, и я заторопился:

– Извини, сдурил. Никто Джона не толкал. Сам, все сам.

– Зачем он взял телефон? Зачем пришел сюда?

– Ну... – я взял паузу, чтобы немного подготовиться и быть убедительным в своих фантазиях: – Это же очевидно. Хотел связаться с «большой землей». С борта «Золушки» не получилось, может, наводки какие были, может, еще что. Джон решил забраться куда повыше, вон хотя бы на ту горку... и не дошел.

– Почему я не видела, как он брал телефон? Я его вообще не видела! В каюту он не спускался, и на палубе его не было.

– Но откуда-то он у него взялся, верно? Значит, когда ты была на берегу, он вернулся на яхту за телефоном. Сначала драпанул оттуда, сдрейфил, а потом вернулся.

– Я бы его заметила.

– Не факт. Ночь. Темно. Я полудохлый на твоём попече-

нии. Да и «Золушка» не напротив, а чуть в стороне от места, где меня к берегу прибило. Могла и не заметить. И к тому же, ты уверена, что до самого рассвета ни на минуту глаз не сомкнула, не отключалась?

– Н-нет...

Я перевел дух. Вот и полегчало девоньке. А знай, Мила, что кто-то размолотил все приборы на яхте, врать мне было бы куда трудней. А так обошелся малой кровью.

Кстати, получается, что Джон и размолотил. Это если верить классике в исполнении Бернарда Шоу: «Кто шляпку украл, тот и старушку пришил». А можно и не верить. Один черт, так и так сплошные непонятки.

– Надо найти Федора и Козлова, – сказал я. – Ты со мной или здесь подождешь?

– С тобой.

Я помог Шелестовой подняться. Огляделся. Ну, и куда теперь? На берегу, кроме нас и буревестников, никого. Тогда пойдем разведем, что подальше от берега делается. Вдруг и впрямь кого из знакомых встретим.

Мы миновали первый ряд траншей, когда я остановился:

– Погоди-ка.

Я кинулся обратно, потому что дубинка-черенок так и осталась валяться рядом с ямой, в которой лежал Джон. Хоть какое-то оружие, все лучше, чем с пустыми руками. Я поднял «оружие» и бросил взгляд на мертвого. Сказал про себя, не ерничая и не кривляясь: «Извини, камнями я тебя потом

засыплю. Отнесу к Чистому, там и засыплю. Ты уж потерпи, Ваня».

* * *

Никакой он был не Джон. Самый натуральный Ваня. Но Ивану Дудникову так хотелось стать 100-процентным американцем, что он заменил «в» на удвоенное «ф», и стал зваться «мистер Дудникофф», а данное в доме малютки имя преобразовал в «Джон». И это было его право: сначала уехать из родных краев в края иные, а потом и фамилию-имя поменять, обрывая последние нити, связывавшие его с Отечеством.

Не любил он родину свою, потому что она его не любила. Да, не дала загнуться вокзальному найденышу, кое-каким образованием одарила, в жизнь выпустила... и все, хватит с тебя. Так что тюрьмы Ваня Дудников сам избежал. Многие из его сверстников по детдому отправились по этапу, многие спились, а он уцелел. Потому что была у него мечта – свободным стать! Истинная же свобода в его понимании была только на Западе, где и возможности, и перспективы, где никого твое прошлое не волнует – сирота ты казанская или сын миллионера. Такие у Вани Дудникова были заблуждения в годы памятные, предперестроечные. Ему бы подождать годик-другой, но он же не знал, что в стране его все изменится до неузнаваемости, что всякий, имея охоту, сможет рвануть за границу. Никто не знал, поэтому Иван Дудников стал матросом на траулере, и когда зашли они в какой-то норвеж-

ский порт, дал деру, только его и видели. Помотало его потом, покрутило по миру, и, в конце концов, оказался он в Соединенных Штатах. Там Ваня исхитрился получить гражданство, став Джоном Дудникоффым, налогоплательщиком и патриотом.

К этому торжественному моменту прежние иллюзии испарились. Процесс этот начался еще в Норвегии, когда, пробираясь в Данию, Ваня прятался в мусорных баках от бдительных скандинавских полицейских. Тем не менее, о поступке своем, о бегстве, Ваня не жалел. Он вообще никогда не жалел – ни себя, ни других, ни о чем. Его не жалели, и он платил той же монетой. Все честно.

В Штатах Джон Дудникофф несколько лет обретался в городке Апалачикола. Промышлял креветки в Мексиканском заливе. Потом перебрался на Каймановы острова, а уже оттуда в Доминикану.

Владельцы бесчисленных доминиканских отелей держали нос по ветру, и потому раньше соседей по архипелагу взялись окучивать российский рынок. Чуть напряглись – и получилось. С каждым годом туристов из России становилось все больше. Соответственно росла потребность в русскоговорящей службе. И не только в официантах и поварах, умеющих готовить такое экзотическое блюдо, как борщ. Знающие русский язык были нужны всем и везде. Свое место Джон-Ваня нашел в порту Кофреси. Стал туристов из России на моторных и парусных яхтах катать. На первых – что-

бы на китов посмотреть, если посчастливится, и меч-рыбу поймать, если удастся. На вторых – исключительно удовольствия ради и памяти для.

Во время одного из таких вояжей и познакомился Джон Дудникофф с московским предпринимателем Константином Чистым.

– Костя как раз присматривался, кого бы к своему бизнесу привлечь. А тут я. Кандидатура – лучше не придумаешь: вроде местный, а вроде и свой. В дело Чистый предложил мне войти на правах шкипера-перегонщика. А я что? Я со всем моим удовольствием. Для меня, Андрей, эта работа – как бонус: и основную работу бросать не надо, всегда подменят, и приварок солидный. А всех делов: взять яхту, ну, проверить все, если требуется – дооснастить, и дойти до Марокко.

– А почему именно Марокко? – спросил я.

– Ты с этим к Чистому. Но мы только раз до Туниса шли, а так все в Касабланку. Там сдаю лодку с рук на руки...

– Кому сдаешь?

– Что значит «кому»? Людям.

– Это понятно. Не мартышкам-резусам. Кто яхту принимает?

– Иногда сам Чистый, иногда человек от него.

– А потом?

– Сажусь на самолет – и обратно в Штаты. И команда моя со мной, я же не в одиночку лодку гоню.

– А в одиночку смог бы?

– Смог бы, только мне адреналина по жизни и так хватает, поэтому я Косте с самого начала условие поставил: ходить буду только с полным экипажем.

Я улыбнулся:

– Не повезло тебе. В этот раз.

– Да уж, матросики вы, прямо скажем, так себе. Но Костя сказал: надо! Сказал, что сам пойдет. Что лодка эта не абы для кого, а для товарища верного.

Я хмыкнул, но Джон в этот момент смотрел вверх, на паруса, и скепсиса на моем лице не заметил.

– И оплата посолидней. Слушай, а что ты все расспрашиваешь? Что за интерес?

– Да, понимаешь, сам о такой лодке мечтаю. Ну, не такой, поскромней. Вот и собираю информацию про запас, на будущее

– Как «дозреешь», обращай ко мне. Я тебе посудину сам, без Чистого, подберу. Так тебе и дешевле выйдет. Без посредников.

– Договорились, – кивнул я и подумал, что, и впрямь, не Ванька он – Джон, с таким-то американским прагматизмом.

А море синело, ветер ласкал паруса «Золушки», и все было так, что лучше не придумаешь.

* * *

– Все-таки он был неплохой человек, – сказала Мила, и тем немало меня удивила. Странно это как-то прозвучало,

словно знала она о Дудникоффе то, чего я не знал. Может, пристаивал к ней Ваня? Намеки там, предложения всякие. Так ведь парень он был «в соку», да и простой, реверансам не обученный. Тогда простительно.

– А, по-моему, хороший. Я же вахты с ним стоял, – доверительно сообщил я, будто Шелестова была не в курсе. – Он мне много чего рассказывал – и о себе, и о местах, где побывал. Интересный был человек.

– А я с Чистым в паре была.

Произнесла это Шелестова с неприкрытой злостью. А ведь Костя был не живее Джона и, вроде бы, как покойник, требовал к себе если не уважения, то снисхождения.

– Я про себя его все равно Ваней называла, – сказала Мила.

* * *

В марине Кофреси нас встретил высокий, дочерна загорелый парень в обрезанных до колен джинсах и футболке-размахайке с выцветшей рекламой пива «Будвайзер».

– Привет, – сказал он на чистом русском и протянул широкую, как лопата, ладонь.

Я понял, что это и есть тот сюрприз, которым всю дорогу интриговал нас Чистый.

– Федор.

– Джон.

– Мила.

– Джон.

Я тоже представился и тут же понял, что проверять крепость рукопожатия шкипера не стоило – проиграл с треском.

– А по-русски? – спросил Полуяров.

– Джон, и только Джон, – отрезал, на мгновение стерев улыбку с лица, шкипер. – Ну что, пошли на яхту?

Идти оказалось недалеко – марина Кофреси размерами не поражала. Стояли в ней большей частью прогулочные яхты для прибрежного плавания – с высокими бортами и невысокими мачтами, широкие и сплошь с бушпритами, которые были явным конструктивным излишеством, но которые так нравятся туристам.

Потом мы увидели «Золушку».

Никогда не доверял французским автомобилям. Хлипковаты они для российских дорог! Когда я увлекся яхтингом, то эта подозрительность плавно перетекла на французские лодки. Да будь вы хоть трижды изящными, а что у вас с надежностью? То ли дело немцы, люди основательные, ответственные, у них что автомобили, что яхты – любо-дорого посмотреть. Да-да, именно так: и «посмотреть» есть на что, дизайн на уровне, и «дорого» – так ведь понимаешь, за что платишь. Короче, «любо».

«Золушка» принадлежала к уважаемому яхтсменами семейству «Hanse». Так что, на мой взгляд, Федор Полуяров-младший сделал правильный выбор. И пусть выбирал не он, но Константин Чистый явно получил надлежащее целеуказание.

Места в марине хватало, поэтому яхта стояла вдоль пирса, а не как заведено в перегруженном Средиземноморье – кормой.

– Милости просим, – широким жестом пригласил Джон.

Мы поднялись на борт. Петнадцать с половиной метров длины обеспечили бы пристойные условия проживания и для большего числа людей, но нас было всего шестеро, поэтому устроились мы с комфортом. Шелестова даже получила персональную каюту. А как же, дама все-таки!

Следующая неделя прошла в хлопотах. Мы сделали несколько выходов, чтобы приноровиться к яхте и доказать шкиперу Дудникоффу, что мы кое-что умеем. Тот остался доволен, хотя для порядка и кривился, и покрикивал. Была проведена и тренировка по подъему из воды выпавшего за борт, и опять Джон особых замечаний не сделал. Одновременно с практическими занятиями шло пополнение запасов. В танки была залита пресная вода. По горловину затарились и солярой. Так как нас ждал не спортивный вояж, да и «Золушка» не являлась гоночной яхтой, то ограничений по весу не было. Мы не собирались питаться сублимированными продуктами и разводить в кружках порошок, из которого, если верить рекламе, получается «натуральный» куриный суп. Ни за что! В этом мы были едины. Чистый, добровольно взваливший на себя обязанности каптенармуса, обещал нам на время рейса разнообразное меню, предупредив, что кое-кому (при этом он пристально посмотрел на Козло-

ва) по окончании плавания придется сесть на диету. Угроза эта, однако, никого не напугала.

Каждый день на пирс выкатывались маленькие юркие грузовички, с которых на «Золушку» передавались ящики, коробки, упаковки с бутылками. В конце концов, нам всем – за исключением Чистого, естественно, – стало казаться, что через океан мы отправимся не на яхте, а на замаскированной под нее корзине из супермаркета.

Накануне отплытия мы на общем собрании постановили посетить лучший в Кофреси ресторан, и таким образом попрощаться с Доминиканой, которую мы, увы, толком и не видели. Ну, не о дороге же от аэропорта до марины потом знакомым рассказывать!

Ресторан находился в пяти минутах ходьбы от порта. Мы поднялись к нему по крутой, вымощенной булыжником улочке. Шли с шуточками и прибауточками, вполне уместными в ожидании роскошного ужина.

Заказанный Чистым столик уже ждал нас. Что мы будем вкушать, тоже было обговорено заранее. Разумеется, то, чего будем лишены во время плавания, несмотря на все старания и гарантии Кости.

Когда принесли мясо, приготовленное на гриле и политое банановым соусом, Чистый наотрез отказался его даже попробовать.

– Переборщил с закусками, – сухо объяснил он.

Потом и вовсе встал и чуть ли не бегом направился к две-

ри, на которой был изображен пухленький писающий ангелочек.

Если бы не присутствие Милы, мы бы в обязательном порядке сопровождали бегство Кости соответствующим комментарием, в меру перченым и острым, а так только понимающе переглянулись.

Вскоре, однако, я понял, что мое невысказанное ехидство в адрес Чистого – это самая настоящая подлость.

В животе заурчало, ядовитая пена подкатила к горлу. А не надо было усердствовать с жареными в масле авокадо! И это мясо еще...

– Пардонте, – сказал я и отправился вслед за Костей.

Успел, донес. В туалете меня вывернуло. Я умылся, посмотрел на себя в зеркало. Ну и рожа! Красная такая. Как после бани.

Возвращаться в таком виде за столик не хотелось. Надо продышаться. Тем более что для этого имелись все условия, а именно – еще одна дверь, ведущая на террасу ресторана. Это мы к морю привычные, вот и сели в зале, а люди сухопутные любят закатом полюбоваться, поэтому выбирают места с видом на океан.

Я толкнул дверь и оказался среди столиков, за которыми сидели, говорили, смеялись и, конечно же, ели и пили десятки людей. И вряд ли ошибусь, если конкретизирую – туристов.

Полавировав между столиками, я подошел к балюстраде.

Облокоотился на нее. Втянул в себя свежий, с ноткой йода воздух. Море угадывалось в нем едва-едва, теряясь среди цветочных ароматов.

– Славно-то как!

Я дышал и не мог надышаться, чувствуя, как ко мне возвращаются силы, а с ними и бодрость духа. Дышал и обозревал окрестности. Пожалуй, мы поступили опрометчиво, отдав предпочтение залу. Вид действительно фантастический! Океан, россыпь огней на берегу, всполохи рекламы.

Прямо подо мной был порт. А вон и «Золушка»...

На пирсе рядом с яхтой стоял грузовичок, заляпанный лейблами, как джип «кэмел-трофи» грязью.

Из каюты «Золушки» в кокпит выбрался Чистый. Так вот он где! А я-то думал, что, пока я корчился в кабинке, Костя вернулся за столик.

Потом в кокпите появился еще один человек. Он хлопнул Чистого по плечу и сбежал по трапу на пирс. Там он сел в машину, зажглись габаритные огни, и грузовичок укатил.

Костя запер дверцы каюты и тоже сошел на берег. Аккуратно повесил на крючки цепочку, преграждавшую вход на яхту.

Я встретил его у лестницы, ведущей к дверям ресторана.

– С кем это ты балакал?

Костя поморщился:

– Хреново стало, пошел на «Золушку за таблетками. На, возьми, тебе, я вижу, тоже погано. – Он протянул мне пест-

рую коробочку. – С пережора в самый раз. Подхожу к лодке, а на меня этот монстр прет. Привез консервы, а на борту никого.

– А что за консервы?

– Говядина.

Мой желудок опять пригрозил мне выволочкой, и я поспешил спросить:

– Чего он хотел?

– Денег, чего же еще? А я, представляешь, забыл, что заказ делал. В общем, пришлось принимать груз. А этот хмырь, вместо спасибо, еще и накинуть попросил. Вот ему! – Костя оттопырил средний палец. – Ну, пошли к нашим? Ты как, ничего?

– Угу.

И мы пошли к нашим. Федька и Козлов с Джоном встретили нас ухмылками.

– Жив, здоров и невредим, мальчик Вася Бородин! – объявил Чистый.

Уж не знаю, оценил ли кто его знание михалковского «Дяди Степы». Мне точно было не до этого. При виде уставленного блюдами стола я торопливо содрал облатку и заглотил сразу две таблетки. Но полностью оправился я только минут через сорок, причем настолько, что даже смог отведать пирожных с взбитыми сливками и мороженого с тертым какао. Ничего особенного.

* * *

– Есть хочется, – сказала Мила.

– У меня только вода.

Я достал минералку и протянул Шелестовой. Она сделала несколько глотков.

– Все равно хочется.

С тех пор, как мы покинули побережье, нам не встретилось ни одной живой души. Только птицы – крикливые и озабоченные. Ни Козлова, ни Федора...

Чем ближе мы подходили к подножию давно потухшего вулкана – главной вершине острова, тем меньше нам попадалось рукотворных ям и рвов. Зато пещеры, о которых толковал Козлов, почти не встречались. Две, три, да и были это настоящие пещеры или просто дыры глубиной метра два, бог весть. Мы с Шелестовой не проверяли. У нас была другая цель – мы искали людей.

Никого.

Штурмовать каждый встречный взгорок смысла не имело, поэтому двигались мы не по прямой, а зигзагами. В этом, помимо сбережения сил, был и такой резон: что удобно нам, удобно и другим. Если, конечно, они не дураки распоследние, поскольку только умный в гору не пойдет. Альпинисты не в счет.

Логика логикой, а все равно – никого.

– Надо возвращаться, – сказал я. – Если Петька и Полуяров живы... – я невольно запнулся, потому что прозвучали мои слова как-то очень зловеще. – Рано или поздно они вер-

нутся на «Золушку». Жрать-то всем охота.

– Мне – есть, – уточнила Мила.

– Да хоть кушать! Только, знаешь что, давай той же дорогой не пойдем – сократим. Кажется, мы здорово увалились вправо, так что если рванем вот здесь, – я показал, в каком именно направлении предлагаю рвануть, – то срежем угол.

Шелестова не стала спорить, да и с чего бы, и мы тронулись. Она и в дальнейшем ни разу меня не попрекнула, что для женщины, в общем-то, нехарактерно. Хотя было за что, пусть я и хотел, как лучше!

Сначала все было нормально, под нашими ногами обнаружилось даже какое-то подобие тропинки, но потом мы оставили ее и поднялись на взгорок. Спустившись с него, вынуждены были подняться на следующий. А за ним еще один...

Да сколько же их тут? Остров-то крошечный, максимум три мили в поперечнике, а, кажется, что каждая миля на десять умножается.

Я проклинал себя: что там насчет горы и умного? А ведь есть еще одно золотое правило: самый короткий путь – путь известный. Забыл? Получай!

И все же мы сделали это! С очередного гребня мы увидели океан. Оставалось всего ничего – спуститься по склону и бережком-бережком к «Золушке».

Я шел первым. Штормовые сапоги – не лучшая обувка для того, чтобы лазить по скалам. Подошвы скользили, и чтобы не шлепнуться мордой о камень, приходилось двигаться, со-

гнувшись и чуть боком, правой рукой касаясь земли.

– Ой! – раздалось за спиной.

Я обернулся. Споткнувшаяся Шелестова силилась вновь принять вертикальное, хотя и несколько скособоченное положение.

– Осторожнее, – сказал я, потому что надо было что-то сказать.

Мила не ответила, потому что отвечать было не обязательно.

– Ах, ты!

Это был уже мой крик. Коварный камешек вывернулся из-под ноги, я упал на спину и стал сползать вниз.

За два шага до этого я ступил на осыпь, спускавшуюся к самому берегу, и теперь каменное покрывало пришло в движение, ну, и я вместе с ним.

Ничего опасного в этом не было. Я же видел, что нет впереди ни расщелин, ни валуна, о который я мог бы разможжить голову. Впрочем, так как сползал я ногами вперед, говорить следовало бы о ногах и том, что между ними. В общем, бояться было нечего, как бессмысленно было пытаться остановиться, зацепившись за что-нибудь. Коли уж случилось, пусть так и несет.

В облаке пыли я благополучно достиг берега, где «покрывало» соизволило успокоиться и замереть. Я еще подождал немного, встречая плечами мелкие камешки, продолжавшие скатываться сверху. Потом и тех не стало.

Нужно было подниматься, а то разлежся тут...

Проморгавшись, я хлопнул раз-другой по коленкам, сбивая пыль, потряс руками. Приведя себя в относительный порядок, я повернулся, чтобы обрадовать мою спутницу тем, что со мной все в порядке. Хотя и сомневался, что Шелестова так уж из-за меня взволновалась.

Повернулся, и слова застряли у меня в горле.

Полузасыпанный камнями, передо мной лежал человек. В тяжелых ботинках, в сером кителе, в шапке, напоминающей обвисшую от гнили шляпку гриба. Форма сохранилась на удивление хорошо, а вот лицу не повезло – его не было. Ну, не назовешь же лицом череп, обтянутый бурой, в черную крапинку кожей.

Это был матрос кригсмарин – германского военно-морского флота, любимого детища кайзера Вильгельма II.

Jawohl, meine Kaiser!

Глава четвертая

– А было так.

Козлов приосанился. Ему нравилось быть в центре внимания. Хотя здесь, в центре Атлантики, когда ветер устойчив, авторулевой исправен, работа с парусами необременительна, это было совсем не трудно.

– Не томи, – прищиприл рассказчика Федор.

Было жарко. Весь экипаж «Золушки» собрался в кокпите – кто с банкой пива, кто с соком. Джон курил. Дым от сигары уносил бриз, так что и вонюче не было. Лепота!

– Дорада! – воскликнула Мила, и все тут же забыли про Петьку.

Большая золотистая рыба скользила рядом яхтой. Казалось, еще чуть-чуть, и ее спинной плавник появится на поверхности и пойдет резать волны, как нож масло. Но это только казалось. Вода была такая прозрачная, что определить глубину, на которой плыла дорада, было невозможно.

– Подстрелить бы, – мечтательно произнес Полуяров-младший, но и не подумал метнуться в каюту за подводным ружьем. Скорость – раз, высота борта – два, преломление – три. Ни прицелиться толком, ни тем более попасть. Разве что из пулемета порешить, но пулемета, как и любого другого огнестрельного оружия, на борту «Золушки» не было. Согласно международному морскому праву – низззя.

– Ну, дорада, что с того? – обиженно буркнул Петька.

Мы дружно игнорировали вопрос Козлова, и тогда он демонстративно отвернулся и забормотал-запел свою любимую песенку, которой успел известить нас до крайней степени: «Белый парус надежды, черный парус беды...» Дескать, видал я вас, ихтиологов.

Рыба лениво отвалила в сторону, и мы повернулись к Пете. Надо уважить человека.

Вообще, обидчивым Петька не был. Настолько, что даже подшучивать над ним было неинтересно. Только Федор по старой дружбе регулярно в этом упражнялся.

Петьку он знал со школы. И с тех пор относился к нему со снисходительностью, какую испытывает всякий убежденный троечник к продвинутому «ботанику». Они сидели за одной партой, и Петька исправно поставлял соседу тетради для списывания, получая взамен защиту от других троечников, тоже претендовавших на его знания.

В институт Козлов поступил легко, учился без проблем, а потом также без проблем нашел себе место в Департаменте природопользования и охраны окружающей среды города Москвы. С точки зрения руководства, он был идеальным чиновником: трудолюбивым, исполнительным, но самым привлекательным его качеством было отсутствие карьерных устремлений на фоне абсолютной неспособности к интригам.

Коллеги, и прежде всего руководство Департамента,

очень удивились бы, узнай они, что вне служебных стен этот флегматичный увалень ведет очень даже активный образ жизни.

Потому что страсть подчас меняет людей до неузнаваемости!

Петр Козлов был кладоискателем. Начало увлечению было положено еще в детстве. Шарясь с другими дворовыми мальчишками по старому дому, выселенному и ожидающему сноса, он нашел свое первое сокровище. Вылезая в окно, наступил на подоконник – и тот треснул; приставил вторую ногу – и тот рассыпался в труху. Глядь, а под подоконником ниша. А в нише ридикюль. А в ридикюле лорнет из серебра и слоновой кости, десять позеленевших пуговиц с двуглавым орлом и стопочка купюр на сумму, на которую во времена Николая II можно было безбедно прожить в Первопрестольной года два, ну, или на месячишко скатать в какой-нибудь Биарриц – Европу посмотреть и себя показать.

Годы были советские, Петя был мальчиком честным, поэтому клад он отнес в милицию. Оказалось, что финансовой ценности найденное не представляет, историческую – отчасти. Лорнет и ридикюль, украшенный бисером и разноцветными уральскими камешками, отправились в Музей истории Москвы, где и сгинули в запасниках. Во всяком случае, Петька, сколько там ни бывал, в экспозиции их не видел. Царские купюры просто исчезли, и теперь Козлов полагал, что они уже тогда разлетелись по коллекциям бонистов,

собирателей бумажных денег. Пуговицы с орлами тоже испарились. Но не все. Четыре пуговицы вернули удачливому мальчишке – на память о приключении. Сейчас, по прошествии стольких лет, эти пуговицы возлежали на бархатной подушечке под стеклянным колпаком и были красой и гордостью личного собрания Петра Козлова.

– Пойдем, – сказал мне Полуяров. – У него интересно. Заодно и познакомитесь.

Так я оказался у Козлова дома и сподобился лицезреть знаменитые пуговицы. А вокруг чего только не было! Иконы, старинные книги, какие-то черепки и железяки. Все это было найдено Петей за годы неустанных трудов на ниве кладоискательства. Он шерстил идущие под бульдозер дома в московских переулках. Шатался с металлоискателем по развалинам барских усадеб. Ездил по брошенным деревням Русского Севера. Одно время даже загорелся найти золото Наполеона, вывезенное из сгоревшей Москвы и затопленное в одном из озер у старой Смоленской дороги. Однако довольно быстро это дело оставил, наверное, ввиду бесперспективности предприятия. Потом искал сокровища разбойника Крутояра и клады Стеньки Разина, но опять же бросил. Наконец, возмечтал отыскать «Черного принца», на котором в ноябре 1854 года везли жалование войскам союзников, осадивших Севастополь. Но денег солдатики не получили – во время шторма «Черный принц» затонул где-то в Балаклавской бухте вместе с 60 миллионами фунтов стерлингов. Козлов рылся

в архивах, несколько раз ездил в Крым и пришел к печальному выводу, что найти злополучный корабль ему не удастся. Потому что другим не удалось: ни таким же, как он, романтикам-любителям, ни ЭПРОНУ, даже японцы спасовали. Однако поездки к морю кое-какой результат все же дали. Петя впал в новую крайность, «заболев» морскими сокровищами. Пример Томаса Томпсона, поднявшего три тонны калифорнийского золота с затонувшего парохода «Центральная Америка», стал его путеводной звездой. И толкал на подвиги. В частности, на получение лицензии шкипера. Всегда далекий от спорта, нескладный, грузный, Петя стал яхтенным капитаном и принялся прочесывать греческие острова. Другие яхтсмены, берущие суда в чартер, заботились либо о полноценном отдыхе, либо о результатах в гонках, в обоих случаях предпочитая марину в шумных, переполненных туристами городах. У Козлова все было иначе: безмятежное ничегонеделание и победы в регатах его не волновали, а для стоянок он выбирал маленькие бухточки, лишь бы подальше от чужих глаз. Он искал сокровища легендарного пирата Хайдреддина Барбароссы.

– И я их найду! – заверял он нас.

Люди, ходившие с ним в чартер, были под стать шкиперу. Такие же одержимые кладоискатели. В этой компании Полуяров-младший был белой вороной. Кладоискательство он считал занятием непродуктивным, хотя, надо отдать ему должное, от копания в земле никогда не отлынивал. Чего

же, спрашивается, плавал с ними? Просто ему нравилось вот так: никуда не спеша, но с целью, а главное – под жарким солнцем и белым парусом. Первый раз Федор пошел с Козловым больше от скуки, чем из интереса, и влюбился!

Это Козлов посоветовал другу яхтенную школу Николая Пирогова, после чего они поменялись местами, и уже Петька от случая к случаю становился членом экипажа капитана Полуярова. Поэтому то, что Козлов оказался в команде перегонщиков и отправился с нами в Доминикану, выглядело совершенно естественно. Причем пришел он в наш маленький и на тот момент не слишком дружный коллектив не с пустыми руками. Но узнали мы об этом только в Атлантике.

* * *

– Как живой! – восхитился я, разглядывая мумифицированные останки.

– Мертвый он. И страшный! – с раздражением воскликнула Шелестова. Она без проблем спустилась вниз, потому что все гадости, которыми могла одарить осыпь, достались мне.

– Не согласен. Хорошо сохранился.

– И что?

– А как?

– И как?

– Может, порода тут особенная – пористая или что. Влагу на себя взяла, потому и не гнил морячок, сох только. Может, еще какая причуда. Не специалист я по этим делам, даже не любитель-таксидермист. Так что, как сохранился – гадаю, а

вот как погиб – догадываюсь. Попал под обвал, его протащило по склону, поэтому даже если пробовали искать, то копали там и сям – и бросили. У них же со временем было туго.

– Ты думаешь, это те самые немцы, о которых рассказывал Козлов?

– Надо полагать, те самые. Про других, по крайней мере, мне ничего не известно.

– А что нам вообще известно? – спросила Мила, и было непонятно, что она имеет в виду: немецкую экспедицию на остров Селваженш-Гранди, сокровища капитана Кидда или события минувшей ночи. Ну, я и не стал отвечать.

Я думал: что мне делать с этим... артефактом? Сообщу, конечно, когда нас найдут, а пока... Я стал сгребать камни и засыпать ими мумию. Когда закончил, взглянул на безучастно наблюдавшую за моими действиями Шелестову.

– Аппетит не пропал?

Мила вздрогнула и пробормотала:

– Два трупа. И еще этот... Проклятый остров!

* * *

– Вот ведь странно, – говорил Петька. – Мадейра – райское местечко, а острова Селваженш – натуральное чистилище. Другая природа, зелень скудная. А ведь рядом совсем: 150 миль – не расстояние. Да и до благословенных Канар рукой подать. Воистину, неисповедимы пути Господни и прихоти Его тоже. Одним – все, другим – ничего.

– Все, как в жизни, – мрачно проговорил Чистый.

Я промолчал, но слова Кости для себя отметил. И не я один. Мила тоже бросила на Чистого колючий взгляд. Зато Джон остался невозмутим, а Федор Полуяров-младший мягко посоветовал:

– Ты, Петя, не о Всевышнем, ты о Кидде давай.

– Да будет вам известно, – сказал Козлов, – что капитан Уильям Кидд, шотландец по происхождению, был не самым кровожадным пиратом тех беспокойных времен, но одним из самых удачливых. Историки затрудняются сказать, сколько кораблей он захватил за годы своей разбойничьей карьеры. Во всяком случае, судовые журналы, которые вел Кидд, не проливают на это свет истины. Но есть вещи, которые вообще не нашли в них отражения. Соображаете, какие именно?

Козлов взял театральную паузу, ожидая от нас вариантов ответов. Мы молчали. Пауза затягивалась, становясь неприличной, и наш лектор несколько растерянно продолжил:

– Правильно. В них нет ни единого упоминания, ни малейшего намека на то, где капитан спрятал свои сокровища. Где он зарыл свои главные клады!

– А что, были и не главные? – усмехнулась Шелестова, посасывавшая через трубочку оранжад.

– Да, моя милая, – ласково улыбнулся ей знаток разбойных обычаев и дел. – Пираты того времени действовали точно так же, как сегодня поступают дельцы с Уолл-стрита. То есть не кладут все яйца в одну корзину. Капитан Уильям

Кидд оставил в наследство истории не меньше десяти кладов, из которых найдены только два. Однако обратимся к подробностям. В начале 1690-х годов Кидд решил завязать с морским разбоем, превратившись в добропорядочного купца. Этому способствовало следующее обстоятельство. В тот переломный момент Кидд уже не был простым пиратом, грабившим всех без разбора. Он был капером на службе у Британской Короны, и с ее одобрения разорял французские поселения в Вест-Индии и топил французские суда. Оставив службу, Кидд занялся торговлей и преуспел в ней. У него был свой корабль, свое поместье близ Нью-Йорка, наконец, жена и дети. Благопристойная и благополучная жизнь продолжалась до 1695 года, когда оскудевшая казна заставила губернатора Нью-Йорка и Новой Англии лорда Белломонта закрутить интригу, целью которой было вновь направить стопы Кидда на тропу грабежа и порока. Не буду утомлять вас деталями, скажу лишь, что интрига Белломонту удалась. Капитан Кидд снова вышел на разбойничий промысел. Он взял курс на Мадагаскар, затем побывал у Коморских островов и в Красном море. Однако удача отвернулась от того, кому ранее благоволила. Французские суда упорно не попадались. Встречались лишь английские купцы, которые, по каперскому соглашению, Кидд не имел права трогать. Лишенная добычи команда возроптала. Зрел бунт, главой которого должен был стать канонир Билл Мур. В пылу ссоры Кидд убил его. На время недовольные поприехали. Но проблема

была лишь отложена, и Кидд, который теперь боялся свою команду больше британских законов, взялся за старое. Он стал грабить всех подряд. И этого английские лорды послушнику не простили. Кидд был арестован в Нью-Йорке и препровожден в Лондон. Там, обвиненный в пиратстве и убийстве Билла Мура, 13 мая 1701 года он был повешен.

– Какие страсти, – скривился Чистый. – И какой финал!

– А это не финал. – Петя улыбнулся Чистому той же прощающей улыбкой, какую минуту назад подарил Миле. – Перед казнью Уильям Кидд пробовал откупиться. Свою жизнь он оценил в 100000 фунтов. Фантастическая по тем временам сумма! Он готов был отдать все свои сокровища, спрятанные на разных островах, за милость королевского суда. Увы, в милости капитану было отказано, и тогда Кидд поклялся, что не скажет больше ни слова о своих кладках. И клятву свою не нарушил. Но! – Козлов повысил голос. – Он не учел одного существенного момента. Люди из его команды молчать не обязывались. Более того, они за мзду невеликую с радостью выдали секреты своего капитана. Потому что лучше синица в руке, чем шиш в кулаке. Уже через год был найден клад на острове Гардинерс, еще через год три обмазанные глиной корзины с золотыми монетами на острове Лонг-Айленд. И на этом – все. А ведь известно было, что свои сокровища Кидд прятал еще на острове Кокос в Тихом океане, на Мадагаскаре и... – Петя вновь обратился к «мхатовской» паузе, которая, впрочем, завершилась так же бес-

славно, как и предыдущая. Козлов снова сдался, сам нарушив молчание: — ...и на острове Селваженш-Гранди, самом крупном из островов архипелага, принадлежащего Португалии, и называемом еще островами Спасения.

— Вот о последнем, о Гранди этом, пожалуйста, поподробнее, — подал голос Полуяров и заговорщицки подмигнул школьному другу.

— С удовольствием, — откликнулся Козлов. — В 1813 году лорд Бексли, жил в те годы такой джентльмен, страдающий врожденным авантюризмом, убедил британское Адмиралтейство отправить на Селваженш-Гранди экспедицию с целью найти сокровища Кидда. Был снаряжен корабль — бриг «Прометей» под началом капитана Геркулеса Робинсона, который доставил на остров поисковую команду. Но все оказалось тщетно: ни золота, ни серебра, и только чайки-сагарраса, так португальцы называют буревестников, гадили и гадили на головы людей с кирками и лопатами.

Федор засмеялся, и воодушевленный поддержкой Петя продолжил:

— Прошло больше тридцати лет, и Робинсон, уже на собственные средства, организует новую экспедицию. И снова терпит неудачу. Особенно обидно было то, что за месяц до его прибытия в одной из пещер португальские рыбаки, переживавшие на Гранди непогоду, нашли два сундучка с серебряными монетами. Но к сокровищам Кидда эта находка отношения не имела! Монеты были отчеканены, когда бренное

тело пирата давно обратилось в прах. Да-с. С тех пор на Селваженш-Гранди побывало еще множество экспедиций, и одна из них заслуживает особого внимания. В 1911 году к острову подошла немецкая канонерская лодка «Пантера». С нее на берег переправилась большая группа моряков. Несколько дней немцы пробыли на острове, а потом как-то подозрительно спешно вернулись на борт, канонерка подняла якоря и на всех парах отправилась на север. Это очень напоминало бегство.

– За ними кто-то следил? – логично предположила Шелестова.

– Точнее сказать – наблюдал, – подтвердил Козлов. – История с посещением острова немцами никогда не стала бы достоянием гласности, если бы не несколько португальцев с Мадейры. На островах Спасения они занимались довольно прибыльным, но не самым чистым делом – собирали гуано на птичьих гнездовищах. Когда появились немцы, сборщики экскрементов от греха подальше спрятались в пещере, возможно, той же самой, где когда-то были найдены сундучки с серебром.

– Так почему все-таки немцы спешили? – спросил я.

– Чтобы не обострять. Ты, Андрей, слышал что-нибудь об о Агадирском инциденте? Нет? В 1911 году отношения между Францией и Германией были хуже некуда. Обе страны равно претендовали на Марокко, и после того, как французы поддержали восстание одного из местных племен, в порт

Агадир прибыла вот эта самая канонерская лодка «Пантера». Дело едва не дошло до прямых военных столкновений. Однако ни Франции, ни Германии в тот момент они были невыгодны, и канонерка поспешно покинула Агадир. И направилась к Селваженш-Гранди.

– Зачем? – история, которую, как на блюдечке с голубой каемочкой, преподносил нам Петя, занимала меня все больше.

– Поначалу считалось, что немцы обустроили на острове склад оружия, боеприпасов, иного снаряжения. Ведь в Агадир «Пантера» пришла не с пустыми трюмами. Немцы хотели поддержать своих сторонников. Склад же на острове они создали, так сказать, с прицелом на будущее. И когда война, известная нам как Первая Мировая, действительно началась, к острову был послан английский военный корабль. Ничего немецкого склада англичане не нашли, и тогда возникло подозрение, что на острове немцы искали сокровища капитана Кидда.

Петя вспомнил про недопитую банку пива и приложился к ней. Вытер губы, крикнул и заговорил вновь:

– Потом на Гранди еще не раз копали. Особенно усердствовал некто Афонсо Коэльо. Благородный сеньор с Мадейры занимался поисками почти двадцать лет, но и он отступился. В общем, рылись на острове до посинения, и все без толку. Да и не могло быть иначе, ведь копали наугад или, сверяясь с картами, которые на деле оказались фальшивками.

А нужна настоящая карта! Вот тогда раз копнул – и готово.
– Может, такой карты и не существует, – сказала Мила.
– Есть такая карта, – возгласил Козлов. – Вот она!

* * *

– Вот она! – воскликнула Мила.

Она первой увидела «Золушку». Красавицу нашу. И кормилицу!

Уходили мы от яхты в одну сторону, возвращались с противоположной. Все-таки я немного просчитался, определяя направление и «срезая угол».

Океан дышал глубоко и спокойно. Ветер был ровным. Солнце палило. Бутылка минералки была давно опустошена и тогда же выброшена. Очень хотелось пить. Больше, чем есть. Хотя есть хотелось тоже и очень.

Горизонт был чист. Пустым было и небо. Ни корабля, ни самолета. Оказаться в XXI веке на необитаемом острове – это надо постараться. Мы не старались, но нам удалось.

– Да уж, вляпались, – пробормотал я. – По самое...

– Что? – обернулась Мила.

– Ничего. Так... – ушел я от ответа.

Вообще, Шелестова меня удивила. На яхте, когда начался шторм, вроде бы дала слабину, но потом – не придерешься. Не ожидал. Да и меня спасла, за это ей огромный плюс и такой же респект.

– Рифы здесь. Гляди, как понатыкано, – сказал я.

На разном расстоянии от берега из воды торчали загла-

женные волнами спины камней. Иногда они высывались повыше, были неровными и даже подсушенными солнцем. А кое-где, напротив, прятались, и их присутствие угадывалось лишь по пенным шапкам на поверхности. Но опасность представляли они все: и первые, и вторые, а третьи даже больше прочих. Не заметишь – не отвернешь.

На такую, укрывшуюся под водой скалу, и налетела «Золушка». Джон просто не увидел ее: ночь, шторм, волны пенятся – как тут разберешь, что перед тобой. Вот и врезались с размаха да с разбега.

– Могло быть хуже, – сказал я, имея в виду, что «Золушка» еще легко отделалась, могла ведь получить пробоину и затонуть.

– Куда уж хуже, – сказала Шелестова, и, по-моему, она говорила совсем о другом.

Мне бы устыдиться: тут люди погибли, двое пропали и, возможно, их тоже нет в живых, а я тут, понимаешь, о сугубо материальном. Но я стыда не испытывал. Возможно, случившееся просто пока еще не уложилось в моей травмированной голове. Возможно. Но скорее все же другое. Как и утром, когда я смотрел на мертвого Костю Чистого, я по-прежнему в первую очередь думал о себе, а о других – во вторую, если не в третью, а временами не думал о них вовсе. Потому что, если бы у меня перед глазами без конца маячили лица Кости и Джона, как те давешние серебряные мушки, я бы забился в какую-нибудь расщелину и дрожал от страха. А это вся-

ко хуже, чем куда-то идти, что-то делать. И пусть из нашей с Милой вылазки вглубь острова ничего путного не вышло, пусть! Зато мы действовали, и это не позволило панике и отчаянию захлестнуть нас. А может быть, вдруг подумал я, ты, Говоров, просто тварь бездушная. И не надо оправдываться, ни к чему это, не поможет.

Мы прошли место, где я вошел в воду, чтобы добраться до Чистого. А вон и наши шмотки...

– Стой! – вдруг охрипшим голосом приказал я.

Шелестова остановилась, испуганно посмотрев на меня. Я не снизошел до объяснений. У меня было занятие поважнее. Я не Юлий Цезарь, два дела одновременно мне не по силам. Я осматривался, щурясь от солнца, стараясь ничего не упустить. Так, «Золушка». Как стояла, так и стоит, и, кажется, еще больше огрузла. Что еще? Волны. Камни. Холмик, укрывший Костю. Все, как было. Все так, как сколько-то там часов назад, когда мы с Милой ушли искать людей, а нашли два трупа – Джона Дудникоффа, гражданина США, и безымянного немецкого моряка – мумию вековой выдержки.

Все, да не все. Одежда. Наши непромоканцы. Мы их свернули и оставили рядышком. Мой – синий. Милы – красный. Я еще на каждый по камню положил. Что ветром унесет – не боялся. И буревестников не опасался – клювом не вышли! Короче, почему положил камни, не знаю, но положил, как надгробной плитой придавил.

А что сейчас? Один камень сброшен. С моей, между про-

чим, куртки. И пола у нее завернута, белая «дышащая» подкладка видна.

Кто здесь был?

Что искал?

Где он?

– Куртка, – прошептал я, чтобы Шелестова посмотрела, увидела и поняла.

Я еще раз огляделся. Ничего подозрительного

И это самое подозрительное, черт побери!

Так, и что нам теперь делать? Не стоять же столбами. Я поманил Шелестову, и мы бочком-бочком двинулись к группе валунов, по прихоти природы и непогоды спаявшихся в нечто напоминающее пирамиду. Когда укрылись, я спросил:

– Видела?

Мила кивнула:

– Куртка.

– Идеи какие-нибудь есть?

– Нет.

– И у меня нет. А раз так, пойду на «Золушку».

– Не ходи.

– А что, есть выбор? Там еда, там вода. А ты, Мил, если что...

– Если что – что?

– Бери ноги в руки и дуй отсюда. Заройся в норку, как те дерьмосборщики, ну, помнишь, Петька рассказывал?

– Помню.

– Заройся и жди, куда кривая вывезет. А я пошел. В случае моего невозвращения прошу считать меня демократом.

Шутка получилась так себе, убогонькая. Такие каламбуры только после четвертой полной на ура идут, но других остроумия у меня в данный момент не было. Поюморить же следовало, чтобы приспустить градус, а то напряжение такое, что того и гляди заискрим, что я, что Мила.

Я высунулся из-за «пирамиды». Вроде тихо. Так чего тянуть?

Я шел не спеша, беззаботно помахивая черенком от лопаты. Если за мной кто-нибудь наблюдает, пусть видит, что я спокоен, как утопленник. Тьфу ты, нашел сравнение. Слишком уместное, чтобы использовать походя.

Волны жадно коснулись сапог. Ага, стоп. Я же в спортивном костюме. Пока доберусь до «Золушки», снова буду мокрым, как мышь. И тут вырисовываются целых три варианта. Первый: наплевать. Второй: наплевать с прибором. Третий: снять штаны. Я выбрал вариант №3. Раздеваясь, подумал о Миле, втянул живот и расправил плечи.

Вода была не то, что холодной, но освежающей. Меня ощутимо поколачивало, и я сцепил зубы. А может, это не от холода, а от страха.

Говорят – читал где-то, – что когда в тебя целятся, ты способен это почувствовать, надо только соответствующим образом настроиться и «поймать» чужой враждебный взгляд. Вот бы знать, как настраиваться надо, я бы попробовал.

Я наступил на что-то скользкое, раскорячился и по пояс ушел в воду. Под ногами были блестящие банки с консервами. Очевидно, без пробоины все же не обошлось, и теперь «Золушка» делилась с Атлантикой своими припасами.

Забраться на борт оказалось даже проще, чем утром.

Кокпит был пуст, двери в каюту открыты, а я их и не закрывал...

Крен корпуса был так велик, что в каюту я спускался не столько по трапу, сколько по ограждающей его стенке.

Воды в каюте стало больше, но больше стало и света. Солнечные лучи пронзали иллюминаторы, выставляя напоказ кавардак, царящий под палубой.

Одной из составляющих этого кавардака был человек, ничком лежащий на койке. Рука человека безвольно свешивалась вниз. Пальцы были скрючены.

Наш экипаж стремительно таял. Чистый, Джон, теперь Полуяров.

Кто следующий?

Глава пятая

Я поторопился.

«Труп» закричал, перевернулся на спину и разлепил глаза. Они были мутные. Прошло не меньше минуты, прежде чем Федор сумел сфокусировать свои заплывшие буркалы на моей физиономии.

– О, Андрюха, это ты.

Голос у Полуярова был под стать облику. Хриплый, с бульканьем и проваливающимися в никуда буквами. Пару раз я видел Полуярова сильно перебравшим, сейчас – третий раз.

– А где народ?

Я промолчал, борясь с желанием подойти и треснуть Федьку черенком от лопаты.

– Будешь? – спросил Полуяров, вытаскивая откуда-то из-под себя плоскую бутылку с коньяком. Темно-янтарной жидкости было на донышке. – Как хочешь... или не хочешь. А я буду.

Он присосался к бутылке, прикончил коньяк и рыгнул.

Мне захотелось ударить его уже не просто так, а непременно по голове. Но я сильный, я скрутил себя и вместо удара дубинкой огорошил Полуярова вопросом:

– За здоровье пьешь али на помин души?

Федор посмотрел на меня осовело и глубоко задумался. Результатом тяжких умственных усилий стали всхлип и

обильное слезотечение. Размазав под носом неожиданные выделения, Полуяров пожаловался:

– На кого они нас покинули?

– Кто именно? – потребовал я уточнения.

– Все. Одни мы с тобой, Андрюха, как пер... сты.

Федор приготовился опять зарыдать, но я посмешил его успокоить:

– Шелестова на берегу. Жива, здорова и, между прочим, трезва. В отличие от некоторых.

Получилась двусмыслица: то ли я о жизни и здоровье, то ли о трезвости. Но Полуярову детали были до лампочки.

– Мила... – пролепетал Федор. – Крошка моя.

– Вот не знал, – деланно удивился я. – Что крошка и что твоя. Но вы там сами разбирайтесь, кто кому кто. Ты чего же, урод, так нарезался?

– Обзываешься, – плаксиво протянул Полуяров. – А я, можно сказать, чудом от бабы с косой сбежал. Она мне, можно сказать, на пятки давила. Я, можно сказать, по краешку прошел. Да я...

Что-нибудь еще сказать Полуярову-младшему пороху не хватило. Голова его запрокинулась, вежды сомкнулись, и он захрапел.

Бутылка выскользнула из его пальцев, упала в воду и закачалась в окружении щепок, обрывков бумаги и лохмотьев серой пены.

Можно было бы разбудить Полуярова, пара средней лег-

кости ударов дубинкой по ребрам этому поспособствуют, но я подумал: «Зачем?» Действительно, толку от Федьки сейчас, как от козла молока. Поспит часок, вот тогда можно и по ребрам.

С этой беспощадной мыслью я покинул каюту.

Из-за «пирамиды», казавшейся отсюда крошечной и не способной укрыть кого-то крупнее кролика, показалась Шелестова.

– Все в порядке! – крикнул я.

Вряд ли Мила на таком расстоянии разглядела улыбку на моем лице. А я улыбался – не для нее, для себя. Все-таки одним трупом меньше.

Шелестова подошла к воде и остановилась в нерешительности.

– Есть хочешь? – сбавил я несколько децибел.

Мила закивала.

– Тогда двигай сюда!

– Нет. – Шелестова покачала головой. – Ты.

Щас! Вот все брошу и метнусь. Нет, дорогуша, разносчиком пиццы я работать не подписывался. Как и прочих продовольственных товаров.

Я повторил за ней все в точности, разве что головой качнул энергичнее. И слова произнес те же:

– Нет. Ты. – И добавил: – Здесь интересно.

Шелестова помешкала и... вошла в воду. Не стала раздеваться, с меня пример брать.

– Штаны мои захвати!

Мила не стала возвращаться. Вот женщины! Всегда у них так. От смерти спасти – это пожалуйста, а голому мужику трузера доставить – это как бы себя уронить.

Ну и ладно, если ее мои коленки не смущают, так и пусть. Я не в претензии. Когда человеку по гроб жизни обязан, штаны не в счет.

* * *

Полуярову я сказал:

– Хорошо подумал?

– Ты, Андрюха, ее не знаешь, потому и сомневаешься.

– Я не в ней сомневаюсь, я в нас сомневаюсь. Лично я бром глотать не намерен, поэтому гарантировать, что не коснусь ее сальным взглядом, не могу.

– А при чем тут бром?

– Как говорил мой комвзвода Залого: ты не служил, тебе не понять.

– Опускает, что ли?

– Точнее, не поднимает. Тебя как с ней познакомиться угораздило?

– В прошлом году приятель пригласил прокатиться от Родоса до Крита и обратно, а она в команде была. Я тебе, Андрюха, так скажу: у нее, похоже, что-то с ориентацией. Или она свою нормальную тщательно скрывает. Холодная, как ледышка. Ни глазками стрельнуть, ни прелестями своими похвастаться, напоказ выставить. А ведь есть что!

Я промычал что-то невразумительное, мол, это мы еще посмотрим.

– Там, на Родосе, мы с Шелестовой и познакомились. И вахту в пару несли. А это, тебе ли не знать, сближает.

– Ты что-то насчет льда говорил, – напомнил я.

– Не отрекаюсь. Попробовал подкатиться. Так, по инерции. Вроде как положено.

– И что?

– Отлуп получил.

– По роже?

– До этого не дошло. Вовремя отступился, ума хватило. И, знаешь, мне это понравилось! Ну, что можно без реверансов и комплиментов всяких. Ново! Свежо! Обычно-то как? Подозрения гнетут: или девочке просто развлечься хочется, или она на тебя серьезные виды имеет. В смысле, подрезать крылья, окольцевать и доить, доить.

– Не слышал, чтобы птиц доили, – хмыкнул я. – Но торт «Птичье молоко» уважаю.

– И я люблю, – сказал Полуяров. – Короче, с Милой можно было запросто, как с мужиком. Только без мата. Она этого не терпит.

– Морщится?

– На место ставит. Она это умеет.

– А что еще она умеет?

– На яхте – все. Потому я и позвал ее с нами. Тут еще, какое дело. Она – человек свободной профессии.

– Какой?

– Что-то там с дизайном. Фриланс. Знаешь, что это такое?

– Свободный художник?

– Не обязательно художник, но обязательно свободный.

Может работать, а может под парусами через Атлантику идти.

– Зачем ей это нужно?

– А тебе зачем?

– Будто не знаешь.

– Знаю. Себя испытать хочешь, ну, и мечта, опять же. У меня – яхта, и у Чистого свой интерес есть. А про Шелестову не скажу, потому что человек закрытый. Может, просто нравится ей это – море, яхты, паруса. И тогда ты ей душа родная.

– Мне новая родня ни к чему, – отрезал я. – Своей хватает.

Разговор этот проходил в нашем любимом кафе на Покровке. Мы с Федором встретились, чтобы прояснить кое-какие моменты предстоящего путешествия. Я уже договорился на работе, и меня со скрипом, но отпустили. Федор и Чистый тоже были готовы, как пионеры, хотя Костя без конца сетовал, что без его недремлющего ока подчиненные совсем распустиятся. Мы с Федором эти жалобы пропускали мимо ушей. Все равно поедет-поплывет, хочется ему этого или неохота, так чего страдать попусту? Что касается Козлова, то он со службой разобрался на раз-два. Когда Петя попросил отпуск за свой счет, ему в ответ пригрозили увольнением. Но Козлов не прогнулся и сказал коротко и не крот-

ко: «Увольняйте». После этого уже в Департаменте природопользования репу зачесали. С одной стороны, есть принципы, равенство масс перед начальством, а с другой, может, и не стоит упираться рогом, подписать заявление, и пусть Козлов едет себе на здоровье, все-таки в свободное от своих чудачеств время он о-го-го какой специалист. И заявление было подписано.

– А у Козлова какой интерес? – спросил я.

Федор напустил на себя загадочный вид:

– погоди – узнаешь. У него такой интерес, всем интересам интерес. Но сказать, что и как, извини, не могу. Связан честным словом.

– Ах, ты, какие тонкости, – ухмыльнулся я. – Пещеры Лехтвейса. Тайны Мадридского двора. Приключения желтого чемоданчика.

Полуяров рассмеялся:

– Ты не поверишь, Андрюх, но у Шелестовой чемодан желтый.

Так и оказалось. Желтый! Только не чемодан – куда на яхте с чемоданом? – а кофр, и довольно объемистый.

В чем Федька был прав, так это в оценке внешних данных единственной женщины в нашем экипаже. Да, все в наличии: ноги, грудь, фигура. И на высоком качественном уровне. А вот лицо подкачало. На мой вкус, черты крупноваты. Знаю, кому-то именно это и нравится. Мне же так что-нибудь поаккуратнее, поизящнее, чтобы не нос – носик, не ще-

ки – щечки. И еще: не люблю блондинок. А Шелестова была блондинкой, причем натуральной.

– Здравствуйте. Андрей.

– Здравствуйте. Людмила... Можно Мила.

– Очень приятно. Вам помочь?

Я протянул руку к желтому кофру, но Шелестова меня остановила:

– Спасибо, не стоит, я сама.

Так и дальше было. «Я сама». С эдакой холодной отстраненностью. Держа дистанцию. И в Доминикане, и потом.

Никаких поблажек себе Шелестова не требовала. Напротив, без какой-либо демонстрации подчеркивала свое равенство всегда и во всем – от камбуза до работы на шкотах⁴. И до поры ей удавалось сохранять status quo. Возможно, ей удалось бы сберечь его до самой Касабланки, если бы не шторм.

Низкий поклон Полуярову и Козлову! Всех сбили с панталыку. Даже я, что уж скрывать, поддался. Золота захотелось пиратского, кровь взыграла! Ну, и вмазались в самую сердцевину шторма, как сапогом в коровью лепешку, вместо того, чтобы придерживаться первоначального курса и краешком, краешком...

Океан спутал Шелестовой карты. Поначалу она крепилась, но средиземноморский опыт вскоре показал свое убожество. Водяные валы без усталости громоздились один на дру-

⁴ Шкот – снасть, идущая от нижнего угла паруса и служащая для управления им

гой, чтобы затем с ревом обрушиться вниз. Палубу «Золушки» захлестывало. Зарифленные паруса мы заменили на штормовые, но потом спустили и их, выбросив за борт плавучий якорь. Яхту развернуло носом к волне, качка уменьшилась, но болтало все равно нещадно. Сначала в каюту ретировался Козлов, чуть погода вслед за ним отправилась Мила – зеленая, как лягушка, но на принцессу совсем не похожая. Потом наступила ночь.

* * *

Шла Мила уверенно. Да и то, дорожка-то знакома. Хотя утром мы направились к «Золушке» из другой стартовой точки – левее, и туда же вернулись. Но десять метров туда, двадцать метров сюда роли не играют. Что там погано и неровно, что тут скользко. Нет, не нравится мне остров Селваженш, пусть он даже и Гранди.

Вдруг Шелестова вскрикнула, взмахнула руками и повалилась вперед.

У меня половчее вышло – я на ногах удержался, присел только, а она по шейку окунулась. Но я не злорадствовал, нет, я даже спросил участливо, когда Шелестова добрела до «Золушки»:

– Не расшиблась? – и руку протянул, чтобы помочь забраться на борт.

Шелестова, неблагодарная, глянула свирепо и руку мою проигнорировала. Прошипела зло:

– Накидали банок...

- А у меня хорошая новость, – объявил я. – Федор здесь.
- Где?
- Спит. Тяжелым алкогольным сном.
- Гад!

Смотри-ка, а Шелестова, оказывается, способна на сильные эмоции не только в присутствии мертвецов.

– Там, в каюте, черти что творится, – сказал я. – Помимо Полуярова. Полезешь или тебе что-нибудь принести?

– Полезу, – вполне в своем репертуаре проговорила Мила.

Для меня это уже не представляло сложности, и я, как муха по стене, спустился в каюту. Для Шелестовой же это стало проблемой, но она справилась, хотя и без какого бы то ни было изящества.

Полуяров спал себе и похрапывал. Гневный взгляд Милы его несколько не потревожил.

Так, теперь будем морить червяка.

Шелестова надорвала пакет с чипсами и отправила в рот несколько пластинок. Что до меня, то я раздумал набивать утробу здесь, не в самых приспособленных для активного пищеварения условиях. Лучше позавтракать, а вернее – совместить завтрак с обедом на свежем воздухе. Я нашел в ящике над мойкой пакет с броским и невнятным слоганом: «Welcome! Dominican Republic?» – и стал набивать его продуктами.

При этом я нашептывал себе под нос: «Белый парус надежды, черный парус беды...» Вот же, Козлов, заразил! Но

где же он, наш Петя? Что с ним?

Галеты, джем в разовых коробочках, орехи в шоколаде, сосиски в вакууме, гусиный паштет, сыр... Шкаф с продуктами и холодильник, совсем разморозившийся, пустели на глазах. И в том же темпе увеличивался в объеме и весе мой пакет.

Шелестова следила за мной, не изъявляя желания помочь.

Жадность города берет. Так, кажется. Или близко к этому. Применительно ко мне, это означало, что одного пакета мне показалось мало, и я принялся набивать второй. Надпись на нем была еще более двусмысленна: «Dominican Republic! Welcome?»

Ветчина, соки, молоко... Разумеется, все это в один присест мне не одолеть. А я и пытаться не буду. В кокпите перекушу, а остальное – на берег. Ага, вот еще. В мешок полетели нож, вилки, две зажигалки.

На берег! На берег! Дождаться спасителей – когда-нибудь же нас спасут! – там приятнее, чем на продырявленной яхте, у которой из брюха внутренности вываливаются. А ну как опять шторм разыграется, что с ней тогда будет, с «Золушкой» нашей?

Готово! Второй пакет тоже был полон.

Я посмотрел вокруг – не забыл ли чего?

Шелестова грызла «палку» колбасы и запивала ее кока-колой.

Полуяров-младший сопел.

В воде плавала моя дубинка. И когда я ее обронил? Ну, да бог с ней, у меня теперь есть оружие посерьезнее.

Я открыл шкафчик в углу и достал подводное ружье. Авось не пригодится, но пусть под рукой будет. Оно и спокойнее. А что для ближнего боя? Пожалуй, череночек мы все-таки прихватим. Да и то сказать, привык я к нему, все-таки столько дорог вместе исхожено, столько врагов повержено... Шучу. Обошлось.

Дубинка была в какой-то слизи, и мне пришлось ее обтереть. В качестве ветоши я не без удовольствия использовал свитер Полуярова, висевший на крючке у трапа. Вытерев, бросил свитер в воду.

А не надо пить!

Кстати, а что это за пена и что за слизь? Неужто... Я понюхал ладони. Вроде ничем не пахнет. Фу-у. А я-то уж подумал, что это содержимое желудка Козлова о себе напоминает. Нет, не оно. Может, из-под коек вода что-то вымыла. Какая-нибудь присыпка против грибка, немцы всякую химию очень уважают.

Я поднатужился и переправил в кокпит пакеты с продуктами. Взял ружье, дубинку и хотел уже последовать за пакетами, нимало не заботясь о Шелестовой, но подумал: а не прихватить ли еще консервов? Не вся же наша тушеная говядина в океан перекочевала.

И тут мне стало не по себе. Даже озноб пробил. И не потому вовсе, что я полуголым тут уже битый час ошиваюсь в

компании деланно равнодушной девицы и непритворно пьяного субъекта.

Причина была в другом.

Банки, о которые споткнулся я, а потом и Шелестова, были своего рода неприкосновенным запасом, гимном предусмотрительности Чистого. Это были те самые консервы, которые накануне отплытия доставили на «Золушку» и которые Костя едва не проворонил. Потому что забыл о договоренности с поставщиком, и если бы ему не похужело в ресторане, если бы он не вышел на террасу за глотком свежего воздуха, если бы не увидел грузовичок на причале... ну, и так далее. Так как это был НЗ, то и убрал банки Чистый подальше. На яхте, между прочим, хватает укромных местечек. На «Золушке» они тоже имелись. Одна «захоронка» находилась почти под нашими ногами – чуть правее трапа у самого пола, за облицовочной панелью. Немецкие конструкторы, известные стремлением использовать каждый кубический дециметр подпалубного пространства, наверняка намеревались эту нишу под что-то приспособить. Наверное, на яхтах с комплектацией побогаче нашей в нише укрывался какой-нибудь агрегат, обеспечивающий еще больший комфорт на борту. Но на «Золушке» ниша пустовала. Вернее, в ней хранился инструмент не первой необходимости, блоки и демонтированные лебедки, которые при необходимости еще можно было пустить в дело, в общем, всякая всячина. На это «богатство» я наткнулся уже в море, когда открыл крышку

рундука в кокпите. Искал запасную пару яхтенных перчаток, а тут – «всячина». Любопытства ради я полез посмотреть, чему она уступила место, и обнаружил в нише банки с тушеной говядиной. Ну, обнаружил и обнаружил. Как обнаружил, так и забыл. А другим и забывать было нечего, потому что о банках этих и о том, как они очутились на «Золушке», никто и не знал. Может, Чистый кому обмолвился, а я – нет, ни к чему было. И вот теперь эти блестящие, желтобокие банки рассыпаны по дну Атлантического океана в непосредственной близости от берега острова Селваженш. Когда одна из них подвернулась мне под ногу, я решил, что ее вынесло сквозь пробоину в корпусе яхты. Не подумав, что такого быть не может! Это киль свернуло, оттуда и вода, а пробоины никакой нет. К тому же, «Золушка» засела на камнях, завалившись на левый бок, так что ниша с банками должна была оказаться выше уровня воды. Но тогда возникает вопрос: как? Как-то же очутились банки в море!

Вопрос, конечно, интересный, но заглодело у меня от другого – от слов Шелестовой: «Накидали банок». Это что означает? Я себя к дуракам не отношу, поэтому и не выбрал из множества версий самую нелепую. Накидали, набросали... Нет, мне на ум пришла версия рациональная – с пробоиной. Это потом она показала свою несостоятельность, но поначалу-то – вполне. Так почему же Мила сказала «накидали»? Ответ напрашивается: она знала, она видела! А если кто-то швыряется банками, причем в обстоятельствах к

играм и всяческим развлечениям не располагающим, то это кому-то нужно.

При таких раздачах не удивительно, что торкнуло меня по-серьезному. Я надеялся, однако, что вся эта буря «чуйств» на моей физиономии никак не отразилась. Ест Шелестова свою колбасу, и пускай. Ну, начни я ее пытаться, что она имела в виду своим «накидали», все равно ведь не скажет. Если до сих пор ни словом об этом не обмолвилась, то и дальше в молчанку играть будет, это же очевидно.

Как ни в чем не бывало, я достал еще один пакет, кинул в него для отвода глаз банку сладкой кукурузы (я ее терпеть не могу), пачку спагетти (в чем мне их варить?), после чего переместился к трапу, отщелкнул задвижки и снял облицовочную панель, прикрывающую нишу.

Я был уверен, что она будет пуста, и почти не ошибся. Банок в ней не было, но дно ниши было засыпано белым порошком.

Когда я снимал панель, несколько щепоток порошка высыпались, упали в воду, собрались в хлопья, а потом превратились в знакомую мне бело-серую пену.

Вот так, ответы появляются, но вопросов от этого меньше не становится.

В воде у трапа что-то блеснуло. Я наклонился и поднял доньшко от банки с высотой кромки сантиметра в два. На бортике еще сохранились обрывки этикетки.

Еще один ответ. Тут к гадалке не ходи, и так все ясно.

Банка состояла из двух частей: в большей была говядина в желе, в меньшей, тайной...

Не верю я, что Чистый решил нелегально вывезти из Доминиканы толченые лапки водяных пауков и измельченные кости рыбы-луны, или еще какие ингредиенты колдовских отваров, столь популярных в соседнем Гаити. Не верю ни капельки!

Константин Чистый не был апологетом культа вуду. Самым прозаическим, наибанальнейшим образом он занимался перевозкой наркотиков.

– Что это? – спросила Мила.

– Дрянь, – сказал я.

Шелестова покраснела, но я уточнять не стал.

* * *

Дело было дрянь. Лучше других, без сомнения, понимал это Джон. Как самый из нас опытный. Именно его невозмутимость до поры вводила меня в заблуждение. Ну, раз ведет недрогнувшей рукой наш гордый фрегат, значит, сознает всю меру ответственности, значит, не все так погано, как кажется. Стоило мне подумать об этом, как за кормой «Золушки» выросла огромная волна – следствие интерференции, то есть сложения многих факторов: волн помельче, ветра, течения. И я перекрестился. Не потому, что, когда кажется, так и рекомендуется поступать, а потому, что сердце ёкнуло. Сейчас как даст!

То ли крестное знамение помогло, то ли плавучий якорь,

но в нескольких метрах от «Золушки» гигантский вал вдруг словно задумался, остановив свой бег и рост, и через мгновение даже не обрушился, а будто сдулся. Вот только что был – и нету.

Так, может, прав Джон в своей беспечности? И все действительно не так уж плохо?

В кокпите нас было четверо – Козлов и Мила спустились в каюту. А точнее – трое, потому что Федор был совсем никакой. Видно, исчерпал запас прочности, растерял мужество, усомнился в будущем. Либо, напротив, видел его предельно четко, ну, может с минимальными отличиями: или сразу ко дну пойдем, или потрепыхаемся; или о скалы разобьет, или в открытом море дуба дадим. Хотя дуб тут, конечно, совершенно ни при чем, в Атлантике-то.

Я, смею думать, крепился. Чистый тоже. Но я не сомневался, что Костя, подобно мне, проклинал Козлова с его картой, Полуярова с его лукавством, Джона и Милу – за доверчивость и азарт. Мне тоже наверняка доставалось – что не настоял, что уступил. Корил ли он себя? Это вряд ли. Не тот Костя человек, чтобы мазать себя дегтем. Такие, как он, всегда овечки. Это остальные – бараны.

Нас сносило к островам Спасения, название которых сейчас звучало как издевка, и плавучий якорь лишь замедлял движение, не отменяя его неотвратимости.

– Андрей, Костя, плавучий якорь – на борт, – скомандовал Джон и повернул ключ на консоли приборов. Вокруг стоял

такой рев, что я не услышал, заурчало ли в моторном отсеке. Но окошечки на панели управления осветились, и это означало, что дизель заработал.

Мы с Чистым выбрали трос и втащили плавучий якорь на яхту. Только после этого Джон стронул рукоятку с нейтрального положения и стал доворачивать штурвал. Начавшаяся было уваливаться, «Золушка» нехотя послушалась руля и вроде бы даже двинулась заданным курсом.

– Погнали наши городских! Ни хрена, прорвемся! – проорал Ваня.

Да, да, Ваня! Ну какой, к чертям собачьим, он Джон? Какой Дудникофф? Что бы он сам о себе ни думал. Кто Ванькой родился, тому Ванькой и быть, и в этом сила русского характера, в этом сокрыта великая тайна русской души. Если не верите, у Абрамовича спросите, он подтвердит.

На Костю я не смотрел. На раскисшего Полуярова и смотреть было неловко. Что до меня, то я растянул губы в улыбке, больше похожей на оскал. Однако в сгущающейся темноте это осталось незамеченным. И я стер улыбку с лица, тем более что это было совсем нетрудно.

Мы медленно, но верно выбирались из тупика, в который сами себя загнали. Прямо по Клаузевицу: иногда отступить – значит, победить. Но потом произошло нечто такое, для чего подходящей максимы из наследия немецкого «теоретика войны» у меня не нашлось. Матерных выражений – сколько угодно, а чего-нибудь умного и образного – извините. «Зо-

лушка» вздрогнула, дернулась, теряя скорость, и стала разворачиваться бортом к волне. При этом дизель продолжал работать. Объяснение было только одно: мы потеряли винт. Ну, или разлетелась муфта гребного вала. Хрен редьки не слаще.

– Якорь!

Повинуясь приказу шкипера, мы с Чистым вывалили плавающий якорь туда, откуда совсем недавно его изъяли, – в океан. Выбрав всю длину троса, якорь уперся в воду, и развернул «Золушку» перпендикулярно волне.

Это все, что мы могли сделать. И мы это сделали.

– Белый парус надежды... – пробормотал я.

Прошло совсем немного времени, и мне уже впору было петь: «Черный парус беды». Судя по показаниям GPS, мы вновь были в том же самом месте, откуда убрались под мотором. Сейчас дизель молчал. Аккумуляторы заряжены, так чего гонять генератор попусту? На экране картплоттера было видно, как оранжевая точка, то есть «Золушка», со скоростью божьей коровки приближается к изогнутой линии берега, перед которой рассыпаны крупинки рифов.

Я подумал – и к месту, и в тему, но не ко времени: а какая погода была, когда на заре XVIII века к этому берегу направлял свой корабль Уильям Кидд? Наверное, был штиль. Или дул легкий, ласковый бриз, а длинные пологие волны нежно поднимали и опускали набитое золотом судно... Наверное, так. Будь по-другому, Кидд прошел бы мимо. Зачем совать-

ся в такое пекло?

Потом я вспомнил, что рассказывал Петя о казни впавшего в монаршую немилость корсара. Как его вешали при большом скоплении радостно возбужденного народа. Как стали мокрыми панталоны пирата, потому что при асфиксии всегда так. И как смеялись над мертвым и обмочившимся разбитные лондонские мальчишки. А их матери сжимали в ладонях монеты, которые они собирались обменять у палача на кусочки одежды повешенного. Потому что такой оберег к счастью и на здоровье!

Лучше бы погода была плохой, подумал я, и капитан Кидд разбил свой корабль о скалы Селваженш-Гранди. Не всегда на миру смерть красна, ох, не всегда. Может быть, кому-нибудь из экипажа «Золушки» тоже лучше исчезнуть здесь и сейчас – в пучине, во цвете лет, а то кто его знает, какой конец уготован каждому из нас, может, и несимпатичный какой, постыдный даже.

Мои размышления о превратностях судьбы прервала нешальная волна, не новый приказ шкипера, а Полуяров-младший. Он навалился на меня и жарко прошептал на ухо:

– Ты – труп.

Глава шестая

– На себя посмотри, – умело парировал я этот гнусный выпад, отталкивая Федора. Тоже еще, стращать вздумал посреди Атлантики. Будто мне не страшно. Еще как страшно, но я же креплюсь!

– Ты не понимаешь. – Полуяров торопливо выталкивал из себя слова. – Это наказание! Проклятие действует! Мы обречены. Ты – труп, и он, и он, и даже я...

Эх, подумал я, коньячку бы Федору, и проспаться, авось отпустит. Хотя случается, что и не отпускает.

* * *

Шелестова смотрела на меня и ждала вопросов единственно с тем, чтобы ответить на них молчанием. Поэтому я пошвырял еще продуктов в пакет и сказал:

– Можешь оставаться, а я пошел.

В кокпите я тоже не задержался, хотя первоначально собирался начать заморение кольчатых именно здесь. Хотелось и есть, и пить, но пять минут уже ничего не изменят, а на берегу все же удобнее. Там и костерок можно развести, коли понадобится. А еще там штаны! Не могу я в трусах, воспитан так, и не то чтобы стесняюсь, а перед самим собой неловко.

Нагрузившись – три пакета, подводное ружье, черенок-дубинка, – шагнул в воду и побрел к берегу. Под ногами были камни – гладкие и не очень, скользкие и шершавые. И ника-

ких банок с говядиной и наркотиками.

На берегу я первым делом натянул штаны и сунул ноги в сапоги – на «Золушку» я отправился босиком. Потом стал есть. Ел я долго и с удовольствием. С учетом сложившихся трагических обстоятельств сей факт свидетельствовал против меня, ибо представлял Андрея Говорова человеком, мало циничным и насмешливым, но и жестокосердным. Однако у меня имелось оправдание: никогда в жизни я не жаловался на аппетит, даже в детстве рубал манную кашу так, что за ушами трещало, посему на лицо здоровый физиологизм, и не надо примешивать сюда мое холодное сердце.

Насытившись и, тем самым, одолев пресловутого червячка, я вернулся к насущному. Я цыкал зубом, мечтал о зубочистке и думал о Чистом.

Шишка на затылке – не твоих ли рук дело, а, Костя? А кто тебя по голове шандарахнул? Это у меня – шишка, ее еще можно списать на булыжники и гик, метнувшийся от борта к борту. А у тебя такая рана, что даже я, дилетант, сообразил, что это след от удара. А что Миле толковал про камни да случайность, так это чтобы до поры карты не открывать. Козырей у меня не густо, так пусть «джокер» будет. Ты бы меня, Костя, понял, потому как тоже игрок. Правда, ты капельными играл, шулер. Дать бы тебе канделябром, как заведено было, да опередил кто-то.

Я поймал себя на том, что обращаюсь к Чистому так, будто он живой. А ведь Костя мертв, мертвее не бывает. Мне

стало жутко, захотелось переключиться на что-нибудь светлое и жизнеутверждающее, но такового не нашлось.

Если не Костя, то кто огрел меня тяжелым тупым предметом? Не Шелестова – она была в каюте. Не Козлов – он в буквальном смысле находился в моих объятиях, я же как раз выволакивал его в кокпит. Остаются Джон Дудникофф, Константин Чистый и Федор Полуяров.

Пойдем дальше. Кто мог ударить Чистого? Все, кроме меня. Но если его ударили до того, как я выбрался из каюты, то в списке удачно покусившихся на его жизнь всего двое – Джон и Федор.

Следующий шаг. Зачем кому-то понадобилось бить меня по кумполу? Логика вроде бы указывает на Чистого. У него был мотив. Я видел, как на «Золушку» грузили наркотики. Правда, есть тут одна тонкость: на тот момент, когда меня били по голове, я ничего не знал про наркотики, я знал только про банки с говядиной. Но Костя не знал, что я не знаю. Его мог насторожить мой интерес, который я проявил в море, наткнувшись на «всячину» и отправившись на поиски тушенки. Мое любопытство, спровоцированное скукой, он мог истолковать по-своему, как доказательство того, что я о чем-то догадываюсь, а значит, могу свидетельствовать против него. Вот Костя и тюкнул меня по темечку. Из этого, однако, следует, что Джон и Федор с ним заодно, поскольку «тюканье» происходило у них на глазах. Иначе совсем глупо получается: два свидетеля против одного, только статья дру-

гая – убийство вместо наркотиков. Но если заодно, то получается, что мотив есть у каждого. А зачем Федору или Джону избавляться от Чистого?

Я ничего не понимал, и с этим следовало смириться еще до того, как в мои рассуждения вклинятся исчезнувший Козлов и молчащая, как партизанка, Шелестова. Их присутствие запутывало расклад окончательно.

И еще вопрос: имеет ли отношение ко всему происшедшему карта сокровищ капитана Кидда? Кстати, где она?

* * *

Это был вполне современный лист бумаги формата А3, когда-то и где-то выползший из принтера. Конечно, предъяви нам Петя пергамент или свиток, перевязанный шелковой ленточкой, это было бы эффектнее, но на нет и суда нет. Так тоже годится, так даже к реальности ближе.

Пока Козлов разворачивал свернутый вчетверо лист, я покосился на Полуярова. Тот прямо-таки лучился довольством. Ишь, какой масляный!

– Эту карту, как полагал Александр Афанасьевич Кудрянов, нарисовал боцман с корабля Уильяма Кидда, – заговорил Петя. – Звали боцмана Роджер Мюррей, и последние два года он был едва ли не единственным, кому всецело доверял капитан. По словам Мюррея, который, кстати, умер от неумеренного потребления рома в 1704 году, это он и еще один матрос, вскоре скончавшийся от лихорадки, помогал Кидду закапывать сокровища на острове Селваженш.

Мы склонились над картой, потому что это действительно была карта, на которой с указанием долготы, широты и хорошим приближением были изображены острова Спасения. В их нынешнем состоянии – так, как они видятся из космоса. Но интереснее было то, что располагалось поверх картинки со спутника. Кто-то, искусно владеющий фотошопом, сначала отсканировал нарисованный пером – гусиным, надо думать! – чертеж, сделал его полупрозрачным, выбрал подходящий масштаб, после чего совместил то, что было, с тем, что есть. Правда, на чертеже было всего два острова, и береговая линия совпадала не везде, но сомнений не оставалось – да, те самые острова.

– Вот здесь! – сказал Петя, и его указательный палец уткнулся во взятый в кружок крестик. – Здесь капитан Кидд зарыл свое золото.

– Ну-ка, ну-ка, – попытался придвинуть к себе карту Чистый, но Козлов не позволил. Он бесцеремонно выхватил карту из-под наших рук и стал ее складывать.

– Наверное, вам любопытно, как эта карта оказалась у меня, – сказал он, явно ожидая града вопросов. И снова ошибся. Мы вновь отомстили рассказчику незаинтересованным молчанием. Петя тоже решил держаться, и тогда Полуяров снисходительно проговорил:

– Петь, хорош выделяться. Сказал «А», так не будь «Б». Выкладывай!

Козлов помедлил, сохраняя реноме, и сдался:

– Все началось с моего знакомства с Александром Афанасьевичем Кудрияновым. Знакомства, разумеется, заочного, поскольку жил Александр Афанасьевич в XIX веке, а представился за год до века XX-го. Был Кудриянов личностью незаурядной, человеком широких жестов. Мог, скажем, сегодня пожертвовать 10000 на строительство в Москве больницы для бедных, а завтра столько же на создание общедоступной библиотеки. Но мало кто знал в Первопрестольной, откуда у Александра Афанасьевича его капиталы. Он это не афишировал, а если кто лез с наглой рожей, тому давал от ворот поворот. А был Кудриянов кладоискателем, и началом его богатства стал клад, собственноручно выкопанный им в 1857 году на Девичьем поле. В те годы служил Алексашка Кудриянов по какому-то канцелярскому ведомству, ведавшему землеустройством, переписывал документы, и попали как-то к нему в руки прелюбопытные бумаги. Как вам, несомненно, известно, в 1812 году Москва, спаленная пожаром и графом Ростопчиным... Но прежде, чем занялась Москва, ее покинула вся тогдашняя знать. Раздобыть не то, что карету, подводу лишнюю было задачей непосильной, поэтому все свое добро беженцы забрать с собой не могли. Да и не верили они, что война с Наполеоном продлится долго, охолонут проклятого корсиканца русские морозы, надают по мордасам узурпатору Кутузов и де Толли с князем Багратионом. Поэтому с легким сердцем закапывали они свои ценности во дворах усадеб, по углам парков, сгружали в погреба и срав-

нивали те с землей. И, в общем-то, оказались правы: и про морозы, и что по мордасам, да только не все беженцы по домам вернулись, потому как от домов одни головешки остались. А что до кладов, то большинство, конечно, были выкопаны, но где-то хозяева померли, где-то еще какая неприятность? Короче, кладов с того времени в земле московской осталось множество. А некие намеки на то, где они зарыты, содержались в бумагах, составленных в 1812 и 1813 годах. Бумаги те затерялись в архивах, а несколько десятилетий спустя счастливым образом попали к Кудриянову.

– Повезло, – не без зависти произнес Чистый.

– Конечно, повезло, – согласился Петя. – Но тем бы и кончилось счастье Александра Афанасьевича, ну, один клад, ну, другой, если бы не поставил он это дело на поток. Глядел Кудриянов далеко, видел глубоко, организаторские способности имел незаурядные, поэтому создал он что-то вроде артели. Были в ней информаторы, которые по архивам и ведомствам сидели, были борзописцы из московских газет, были у него люди и в пожарном ведомстве. За мзду малую несли в клювиках Кудриянову слухи да сплетни о фамильных сокровищах. А он и легендами не брезговал, выслушивал, потому что легенды часто суть правду глаголят. Были в артели и землекопы, были и ювелиры, много разных людей к своему делу привлек Александр Афанасьевич. И ведь шло дело! Находил Кудриянов закопки да захоронки, и регулярно находил. Оттого и людишкам своим щедро отстегивал, ну, и

себя не забывал.

– Ловкач! – уважительно сказал Федор.

– Трудяга, – вынес свою оценку Козлов. – Сначала Кудриянов все больше временем наполеоновского нашествия про-
бавлялся, но с годами и века раздвинул, и границы Моск-
вы перешагнул, а потом и границы империи. Известно ли
вам, сколько бунтов пережила Москва в XVIII веке? Соля-
ной, медный, чумной... Город без конца горел, улицы меня-
ли направления, пустыри застраивались домами, а там, где
были дома, появлялись выжженные проплешины. И всякий
раз, при всякой напасти в землю зарывались чугунки с сереб-
ром, шкатулки с драгоценностями, ковшики с золотыми мо-
нетами. Словно специально для Александра Афанасьевича!
Надо, однако, отдать ему должное: если находил он или его
люди что-нибудь, представляющее историческую ценность,
и никакой иной, то он завсегда передавал найденное ученым.

– Которые... – сказала Мила и не закончила фразу, дове-
рив это Козлову. Тот ее не подвел:

– Да, случалось. Стучали-с. А как же? У государства де-
нег на изыскания не допросишься, а землекопы Кудрияно-
ва всегда навятяжку, всегда во фрунт. Ну, и подкормиться
тоже не помешает – во всех смыслах: и экспонатами-наход-
ками, и просто подкормиться. Да-с, всем был угоден Алек-
сандр Афанасьевич, всеми любим, всем дорог. Вот только
знали о его делах, как я уже говорил, немногие. Опасно было
выставляться с таким занятием. А ну как государство осер-

чает или наследники объявятся, и права предъявлять начнут? Что же – отдавать? А как же ночи бессонные, лунные? Как же нервы порченные? Да и на кого те двадцать рублей списать, что старому слуге князей Шаховских плачены за то, что он путь к сокровищнице хозяйской указал?

Джон засмеялся, но обошелся без реплик.

– Искал Кудриянов клады не только дворянские, но и российских татей разных калибров, и, между прочим, нашел «закладку» Хлопки Косолапого, который при семибоярщине со своей ватагой чуть Москву не взял. И за пределами Отечества Александр Афанасьевич отметил. Искал сокровища графини Эржбеты Батори, которая кровью девственниц надеялась себе вечную молодость сохранить. Не нашел. Искал сокровища тамплиеров и тоже не нашел. Искал, наконец, казну обезглавленного Кромвелем короля Карла, якобы сохроненную где-то в окрестностях Лондона. Долго вынюхивал, средств не жалел, а все в пустую, наверное, и не было казны той, гол как сокол был перед казнью король Карл. Но именно тогда, в Лондоне, в руки Кудриянова попала эта карта. Прямиком из подвалов британского Адмиралтейства. Там тоже чиновники, жадные до денег, водились. Глянул Александр Афанасьевич, а карта-то подлинная!

– С чего он это взял? – спросил я.

– А с того, что папка, в которой был карта, оказалась с двойным дном. Ему много папок принесли, чинуша из Адмиралтейства говорил, что он утрату на крыс спишет, еще

принести предлагал, но Кудриянов отказался. Долгими туманными лондонскими вечерами изучал Александр Афанасьевич содержимое этих папок, выискивая тропку к сокровищам короля Карла, и... сожалел о напрасно потраченных фунтах, осевших в карманах адмиралтейца. Сплошь пустые бумажки, никчемные, в основном доносы. И вот открывает Кудриянов очередную папку и начинает просматривать бумаги, в которых рассказывается о судьбах членов экипажа Уильяма Кидда. Кок, юнга, боцман... Все они плохо кончили: кого услали на каторгу, кого порезали в драке, а Роджер Мюррей, боцман, умер от перепоя. Но в целом, ничего интересного, и вообще непонятно, с какой стати Адмиралтейство этим занималось? Ну, то английские заморочки, русскому человеку их не уразуметь. Александр Афанасьевич не стал и пытаться. Захлопнул папку, а ткань на корешке возьми да оттопырься, а под ней – карта.

– И это доказательство подлинности? – скривил губы я.

– Кудриянов счел, что карту спрятал чиновник, который отслеживал судьбы подручных капитана Кидда. Возможно, он сам хотел отправиться на поиски сокровищ, да что-то помешало, даже карту с собой не унес, спрятал только.

– Что помешало?

– Мало ли? Может, его телега переехала, а может, кирпич на голову упал.

– А теперь, Петя, расскажи о том, как эта карта к тебе попала, – сказал Полуяров, и тем окончательно выдал себя.

Знал Федя, все знал! И о карте, и вообще.

– Тоже интересная история, – кивнул Козлов. – Копался я в одном архиве. Надеялся нарыть что-нибудь о том, было ли найдено золото Салтычихи. Эта помещица истязала дворовых девок, за что попала под суд, встала к позорному столбу, а дни свои окончила в монастырском каземате. И тут, вместо документов, касающихся заныканного богатства «мучительницы и душегубицы», как о Дарье Салтыковой в рескрипте Екатерины II было сказано, передо мной вдруг появляется «дело» Александра Афанасьевича Кудриянова, вернувшегося из Англии и задержанного на границе Российской империи по решению московского окружного суда.

– Повязали, значит, мужика, – сочувственно обронил Джон Дудникофф. – А за что?

– За то, что утаил от властей и наследника княгини Двуреченской тот факт, что нашел клад, зарытый еще его прабабкой. Защищал Кудриянова в суде не кто-нибудь, а знаменитый адвокат Плевако. Тот самый, что сказал присяжным о попе-ворюге: «Он тридцать лет отпускал вам грехи, отпустите и вы ему один грех, люди русские». Или что-то в этом роде. Попа оправдали. Речь защитника во время «кладоискательского» дела была почти так же лаконична: «Как нам известно из истории, графиня Двуреченская страдала от сифилиса, от него и померла. Мой подзащитный является попечителем больницы, в которой лечат от дурных болезней, и пациентом оной больницы значитесь присутствующий в этом

зале правнук графини. Я полагаю, что, в свете данных обстоятельств, господин Кудриянов ему ничего не должен».

– Красиво, – сказала Мила.

– На то и Плевако! Разумеется, Александра Афанасьевича отпустили с миром. Перенесенное им нервное потрясение, однако, оказалось столь сильным, что до дома он не доехал – помер от апоплексического удара. А бумаги его, что на границе отобрали, остались в суде. Наследники Кудриянова, а таковые нашлись, хотя был он бездетен, о бумагах этих либо не знали, либо забыли. Бумаги списали в архив, где они преспокойно и пролежали чертову уйму лет, пока не попали ко мне. А сейчас, думается, я должен уступить слово уважаемому господину Полуярову, – и Козлов с улыбкой склонил голову.

– А чего тут рассусоливать? – ухмыльнулся «уважаемый господин». – Как насчет того, чтобы заглянуть на остров Селваженш-Гранди? Кто против?

* * *

Поглядывая на буревестников, продолжавших суетиться над своими гнездами, я тихо-мирно переваривал съеденное. Кажется, даже вздремнул. Или то была не дрема, а некое состояние, близкое к трансу. После всего пережитого сознание требовало передышки, вот оно ее себе и организовало.

При этом я понимал, что надо бы пойти поискать Козлова. Или не искать – сам найдется? Или все же пойти? Тем более что теперь известно, куда идти. Девять против одного,

что Петя рванул к месту, обозначенному на карте боцмана Мюррея. Нет, может быть, сначала он рванул, куда ноги понесли, но потом точно туда. Он же псих!

Сумасшествие Козлова я разглядел не сразу. Вроде человек как человек, но когда он сажился на своего конька и начинал рассказывать о кладах и кладоискателях, Петя преображался. Глаза горят, пальцы дрожат, а слова так и льются, так и льются, одно за другое цепляется, ну, вылитый шизофреник.

Во всей красе симптомы психического нездоровья Козлова проявились после того, как он поведал нам о карте. Нет бы остановиться на этом, но когда Федор озадачил нас своим предложением и дал время на размышление, Петя снова взял слово. Распаяясь и захлебываясь, он стал рассказывать, как выяснял детали жизни и смерти Александра Афанасьевича Кудриянова, как штудировал книги об истории пиратства и монографии о капитане Уильяме Кидде. Как уверился в том, что и карта подлинная, и найти клад труда не составит, надо только ступить на берег острова Селваженш с шанцевым инструментом наперевес.

Вместе с тем, когда Мила попросила еще раз показать карту, он этого не сделал, причем вывернулся достаточно изящно. То есть поступил, как типичный шизофреник, в коих безумие соседствует с рационализмом.

Таким образом, о месте, где зарыт клад, на «Золушке» знали двое: Козлов и Полуяров. По признанию Федора, он

настоял на этом еще в Москве, иначе наотрез отказывался связываться в такую аферу.

Сейчас Полуяров спал, но не вечно же он будет дрыхнуть! А когда проснется – сам или я ему в этом помогу, или Шелестова, она женщина, у нее удар слабее, – тогда Федор нам скажет, где место клада, а значит, и где Козлов. Скажет, никуда не денется. И о своих ночных приключениях заодно поведает.

– Андрей!

В кокпите стояла Мила и махала мне рукой. Я помахал в ответ, дескать, нет, лучше вы к нам. И подумал мстительно: «Это тебе за штаны!»

Затем в кокпите появился Полуяров. Они о чем-то переговорили с Шелестовой – вообще-то, ясно, о чем, какая Говоров все-таки скотина! – и полезли в воду. При этом Федор остался в непромоканце, а Мила опять не стала заголяться. Ну, хочет быть мокрой – на здоровье.

Добравшись до берега, они направились ко мне.

– Выпить есть? – спросил Полуяров. Был он помятый, но вменяемый.

– Не злоупотребляю.

– А попить?

Я хотел ответить, что свое надо иметь, тут слуг нет, но у Федора был такой жалкий вид, что я смиростивился и протянул ему бутылку минеральной воды. Ну, не сообразил человек, не захватил с яхты водички, что ж ему теперь, от жажды

помирать? Чай не в пустыне.

Шелестова обошлась без лишних слов. Она просто пошуровала в пакетах – моих пакетах! – и достала коробку с яблочным соком. Сама непосредственность, аж зло берет.

– Уф-ф, – выдохнул Федор, отлепив губы от горлышка ополовиненной бутылки. – Хорошо!

– Вообще-то ничего хорошего. – Я посмотрел на Милу: – Ты ему что-нибудь?..

– Нет. Разбудила только.

Придется мне.

Я рассказывал, и Полуяров трезвел на глазах.

– Вон там он лежит, Костя, – показал я.

Федор облизал губы и вроде как стал ниже ростом. Эка его придавило. Зато дальнейшее мое повествование на Полуярова-младшего сильного действия не оказало. Он остался спокоен, когда я говорил о Джоне, что же касается эпизода с немецким моряком, превратившимся в мумию, то он вообще никакого впечатления не произвел.

– Теперь ты, Федя. Колись!

Полуяров присосался к бутылке, добил ее и сказал

– Даже не знаю, с чего начать.

– Только не от Адама, – предупредил я.

Федор поморщился, не приемля шутки.

– Не смешно. Совсем. Джон хотел меня убить. Он гнался за мной. Чтобы убить.

Полуяров говорил сбивчиво, запинаясь, мысленно пере-

живая происшедшее, и мне приходилось периодически по-
нукать его.

Из рассказа Федора следовало, что когда «Золушка» за-
скребла килем по камням, он пополз на бак, чтобы... Навер-
ное, чтобы бросить якорь. Хотя он не уверен, что именно за
этим. Он плохо соображал в тот момент, почти совсем не
соображал. Потом был удар, его швырнуло на носовой ре-
линг⁵. Когда он попытался подняться, то оказалось, что его
ноги оплел неизвестно откуда взявшийся трос. Он стал сди-
рать его, но трос, как заколдованный, лишь плотнее обвивал
ноги. Он услышал призыв Джона и крикнул в ответ, что не
может вернуться. И вспомнил про нож. У него же есть нож!
Он изловчился достать его из кармана непромоканца, хотя
внешний клапан никак не пускал руку внутрь. Достав, стал
резать путы на ногах. На палубе появился шкипер. Тоже с
ножом. А дальше произошло все, как в страшном сне или
американском детективе категории «В». Вместо того, чтобы
помочь товарищу и перерезать веревки, Джон Дудникофф
вознамерился перерезать ему горло.

Спасая свою единственную жизнь, Федор перевалился че-
рез борт и уже в воде понял, что путы чудесным образом
спали, и он может бежать. То есть плыть. В общем, спасать-
ся. И он ломанулся к берегу. Там он обернулся и увидел, что
Джон последовал за ним, и намерения у Дудникоффа бы-

⁵ Ограждение из стальных трубок на носу и корме яхт с натянутыми между
ними тросами-леерами

ли самые кровожадные. Федор помчался прочь – прочь от «Золушки», от Джона, от всего невероятного и чудовищного, что несколько минут назад могло с ним произойти, но по какой-то счастливой случайности не произошло. Волны с ревом накатывались на берег, забрасывая пеной черные камни. Федор бежал, не думая, что может поскользнуться, и тогда его уже ничто не спасет, а за ним бежал Джон, и нож был в его руке. Федор птицей взлетел на грядку, на которую при обычных условиях еще подумал – лезть ли, и запрыгал по валунам вниз. Последний прыжок, и вот он уже на плато, рассеченном, как хлеб ножом – о, Боже, только не это! – какими-то рвами. А Дудникофф был уже на гребне. Джон догонял его! Огибать рвы не было времени, и Федор прыгнул! Он приземлился на другом краю рва и понесся дальше. Кровь отбойными молотками стучала в висках, сердце подкатило к горлу. Он оглянулся и... никого не увидел. Федор пробежал еще несколько метров, снова оглянулся и остановился. Никого! Он согнулся, уперев руки в колени, стараясь отдышаться. Когда мятежное сердце немного успокоилось, он выпрямился и медленно, словно шел по трясине, двинулся назад. Джон лежал на дне рва, раскинув руки, вывернув голову, из угла его рта змеилась струйка крови. Шкипер тоже пытался перепрыгнуть яму, но что удалось беглецу, не удалось преследователю. Федор смотрел на человека, который хотел его убить, а теперь сам был мертв.

– О чем я в тот момент думал, не помню, – говорил Полу-

яров. – Хотя... О проклятии думал. Еще думал, что в Джона вселился дьявол. А Всевышний меня уберег. Почто простил грехи мои?

При этих словах Полуярова я едва удержался от совета не поминать имя Господне всуе. Может, и отпустил тебе Господь грехи, Федя, но я человек обидчивый и злопамятный, так что ты мне еще ответишь на пару вопросов.

– Потом спустился в яму. Пошевелил Джона, хотел куртку расстегнуть, ухо к груди приложить, может, жив все-таки. И не смог. Да и видно было: мертв он. Совсем. Я обхлопал карманы его куртки. В одном кармане был спутниковый телефон. Разбитый. Он же его перед штормом в карман положил.

Я подумал: «Вот и объяснение – я не видел, искал, гадал, куда делся, а Федор заметил. Просто-то как».

– В другом кармане была плоская бутылка коньяку. Я ее взял.

– Это понятно, – сказал я. – Результат на лице. Что же ты на яхту не вернулся, а, Федя?

– Испугался. Мысли дурные в башку лезли. Что, если не только в Джона бесы вселились? Вернусь, а меня на ножи. Проклятие-то одно на всех было, вдруг только меня не тронуло? Ну, я из ямы выбрался и пошел вдоль гряды. А ноги не идут, подламываются. Если бы не коньяк, шагу ступить не смог бы.

– Это ты с ним с шагу сбился. Не путай кислое с пресным.

– Ну, давай, Андрюха, добивай! – плаксиво проговорил Полуяров. – А мне плохо было, так плохо...

– Не ной, – оборвал я этот плач Ярославны. – Дальше что было?

– Увидел дыру какую-то, вроде пещеры, залез туда. А потом заснул, коньяк помог. Когда проснулся, уже день был. Солнце, шторм стих, не страшно совсем. И я пошел вас искать.

– Ты зачем в наших вещах копался?

– Это я машинально.

– Что, папа в детстве не объяснил, что рыться в чужих вещах нехорошо? Ладно, проехали, что потом?

– Забрался на «Золушку», а там пусто.

– Тогда ты еще на грудь принял и спать завалился, – завершил я чужой рассказ.

Полуяров-младший понурил голову, а я чуть более миролюбиво продолжил:

– Сейчас-то как, головка не бо-бо?

– Отстань от него! – нарушила обет молчания Шелестова.

Я воззрился на нее. С чего это мы такие жалостливые?

Мила хотела еще что-то сказать, даже начала: «И вообще...» – но осеклась.

– Жалеешь, значит. – Я зло прищурился. – Зря! Между прочим, это по его милости мы в такой заднице оказались, что даже не представляю, как мы из нее выберемся. И когда. И выберемся ли вообще.

– Должны, – сказала Мила.

* * *

– Похоже, ты за нас уже все решил. – Чистый был мрачен.

– Так ты против? – удивился Полуяров.

– Конечно. Игрушки все это. Клады, пираты, Плевако, жулик какой-то из прошлого века.

– Из позапрошлого, – вскинулся Козлов. – И Кудриянов был не жулик!

– А мне по барабану. Захотелось в казаки-разбойники поиграть – ваше дело, но мы-то тут при чем?

– Постой, – теперь уже вскинулся Федор. – Мы же одна команда!

– С чего ты взял? – Чистый скрестил руки на груди, что на языке жестов означает «плотная защита». – Мы что, клады искать подряжались? Нет. Только лодку перегнать. Да ты понимаешь, что это противозаконно? Кому эти острова принадлежат? Португалии. А мы куда идем? В Касабланку. Вот нас португальцы и спросят: а что это вы, любезные, на наших островах делаете? Шли в Марокко, а оказались у нас.

– Острова необитаемы, – вклинился с уточнением Козлов. – Это заповедник.

– Тем более! В заповедник лезть – еще один закон нарушать. До кучи. Нет, ребята, я в тюрьму не хочу. Пусть даже самого высокого европейского уровня, а не хочу. И Джон не хочет, так ведь?

Чистый явно надеялся на немедленную и безоговорочную

поддержку, но Джон не торопился с ответом. А когда заговорил, сказал не совсем то, что ожидал от него Костя.

– Вообще-то, дело это стремное. Можно нарваться на крупные неприятности. Но ежели соломку подстелить и по уму провернуть, может и выгореть.

– Андрей, а ты что думаешь? – взглянул на меня Чистый. Половинчатость ответа шкипера привела его в бешенство, и он прилагал огромные усилия, чтобы держать себя в руках.

– Мне насчет соломки понравилось, – сказал я. – А еще мне представляется, что о ней уже позаботились. Ну-ка, Федор, выкладывай, что у тебя там... с сеновалом.

– Да есть кое-что, – заулыбался Полуяров. – Моя вина. Просчитался. Надо было сначала растолковать в подробностях, что мы с Петькой придумали, а уже потом вас в неудобное положение ставить. Короче, так. О кладе капитана Кидда мне Петя рассказал еще в Москве. Как услышал, что я яхту покупаю и с Карибского моря ее в Касабланку погоню, так и выложил. И про карту все объяснил, ну, как она к нему попала. Знаешь, Костян, когда Петя напоследок сказал: «Вот бы выкопать!» – у меня реакция была в точности, как у тебя. Я его на смех поднял. Было такое?

– Было, – подтвердил Козлов.

– То-то и оно. Однако идея в голове застряла, и чем больше я ее так и сяк вертел, тем больше она мне нравилась. Чем, спросите? Своей осуществимостью! Ведь все на самом деле просто, как мычание. Острова Селваженш действитель-

но необитаемы. И почти по курсу. Что мы к ним направляемся, определить можно только по GPS. Так ведь навигатор и отключить можно! Тихонько подходим, тихонько высаживаемся и быстренько копаем, благо место нам известно.

– А дальше что? – спросил Чистый.

– Два варианта. Первый: клада нет. Мы возвращаемся на яхту и спокойно отправляемся своей дорогой. Милях в двадцати включаем приборы, появляемся на экранах, а на возможные вопросы отвечаем, что были небольшие неполадки со связью, но, слава Богу, все исправили. Второй: клад есть. Мы включаем приборы и запускаем в эфир MAYDAY. Когда появляются спасатели, мы предстаем перед ними в роли потерпевших кораблекрушение – яхту придется немного покалечить, без этого не обойтись, – и с кладом капитана Кидда у ног. Мол, случайно нашли, и что нам за это будет? А будет по португальским законам немало, я выяснял. Столько, что и тебе, Андрюша, на яхту хватит. И Джон сможет свое дело открыть. Всем перепадет. Но Козлову и мне поболее, чем другим, как идейным вдохновителям, это справедливо. Согласны?

– С чем? – спросила Шелестова.

– Для начала, с такой дележкой.

Все промолчали.

– Молчание – знак согласия. А теперь, друзья, согласны ли вы предпринять некую авантюрную вылазку, ничем особо не рискуя, однако, имея шанс весьма и весьма пополнить свои

банковские счета?

– У кого они есть, – буркнул я. – В общем, так. Что бы ты ни говорил, Федя, а Джон прав – дело скользкое. Но я согласен. Только уговор: если найдем, действительно вызываем спасателей, а не вывозим клад втихую. Как бы ни хотелось. Насчет тюрьмы Костя верно говорит: я тоже туда не хочу.

– Я – «за», – сказала Мила.

– Я тоже, – присоединился к нам Джон, стараясь не встретиться взглядом с Чистым. Выглядело это странно, точно шкипер, прежде чем ответить, должен был у Кости разрешения спросить. А не спросил Дудникофф потому, что догадывался: разрешения не будет.

– Остался ты, Костя. – Полуяров продолжал улыбаться, уверенный в своей победе. – Что скажешь?

Отступать Чистому не хотелось, но, очевидно, остаться в одиночестве – «А Баба-Яга против!» – ему не хотелось еще больше. Он уже не держал руки, защищаясь, скрещенными на груди. Но пока не знал, куда их деть. В подвешенной к бортику кокпита сумке лежала ручка от лебедки=»мельницы», ее Костя и достал. Повертел, словно гадая, что это штука делает на борту яхты, все лебедки которой работают от гидравлики. А чего тут гадать: для страховки она, чтобы в случае чего крутить вручную. Повертел, сунул обратно в сумку и сказал:

– Уговорили, я тоже согласен.

– Ура! – подвел черту Федор. – Меняем курс!

Козлов пропел дребезжащим козлетоном:

– Белый парус надежды!..

Тут уж я не выдержал – оборвал:

– Петь, хочешь – пой, но, умоляю, что-нибудь другое. Хотя бы «Пятнадцать человек на сундук мертвеца».

– Йо-хо-хо, и бутылка рома! – радостно заорал Козлов.

Все рассмеялись.

Глава седьмая

– И почему это по моей милости? – оскорбился Федор.

В этом он был прав, а я... я перегнул. Но интересно, если бы Чистый уперся, как бы тогда поступил Полуяров? Неужели отказался бы от своих кладоискательских планов? Ой, сомневаюсь я.

– Оставим, – чувствуя шаткость своей позиции, пошел на попятный я. – Где карта?

– У Козлова, – удивился моему вопросу Федор. – Как думаешь, где он?

– Если он жив, то искать его нужно там, где крестик на карте. Я так думаю.

– Ну... – неуверенно протянул Полуяров.

– Другие предложения есть?

– Есть, – сказала Шелестова. – Надо Джона сюда перенести.

– Это во вторую очередь, – отрезал я. – А в первую надо думать о живых. Или хотя бы о потенциально живых. Но лично я верю, что Петька жив, и вам верить советую Федь, ты помнишь, где это чертово место, ну, где крестик? Ты же карту видел, рассматривал, это нам Козлов ее только мельком показал.

– Ну... – опять завел свою шарманку Полуяров.

– Вспомни!

Федор закатил глаза к небу, но не для того, чтобы полюбоваться парящими там буревестниками или редкими кучевыми облаками, — он вспоминал. Потом он посмотрел налево, направо и, сориентировавшись, вытянул руку в указующем жесте:

— Вон гора, видите?

Он показывал на гору, у подножия которой мы с Шелестовой были сегодня утром.

— Если идти с юго-запада, там есть расщелина. Перед ней две скалы, как ворота. В расщелине пещера. В пещере клад. Он закопан, но неглубоко, на полштыка лопаты, на 15 дюймов, как утверждал Мюррей.

Я прикинул расстояние: где-то километра два, всего-то. И даже как-то обидно стало: мы с Шелестовой кружили вокруг да около, а возьми чуть в сторону, как раз у той расщелины бы и оказались. А где расщелина, там и пещера с золотом и Козловым. Хотя, скорее, только с Козловым. Потому что, если бы все было так просто, то клад Уильяма Кидда давно бы нашли. Впрочем, опять же не факт. Ну, пещера, с какой стати в ней копать? Да и мало ли здесь пещер!

— Тогда прогуляемся, — сказал я и позаботился о товарищах: — Мила, пойдешь?

Помнится, отправляясь утром в наш первый вояж по острову Селваженш, я задал такой же вопрос, и Шелестова ответила категорическим «да».

— Да, — сказала она и на этот раз.

– А ты, Федь, возьми себе что-нибудь перекусить.

– Да я уже, – успокоил меня Полуяров и вытащил из кармана огрызок колбасы. И ей-ей, это был остаток той самой «палки», которую глодала на «Золушке» наша сердобольная Мила.

– А ты еще возьми!

Федор послушно выудил из пакета пачку печенья. Потом снял непромоканец.

Шелестова осталась в своей мокрой бирюзовой «пуме», совсем о здоровье не думает.

Мы пошли по берегу. Чтобы не быть обгаженными чайками-сагарраса, с запасом обогнули их птичий базар. А вот и откос, по которому я скатился на «пятой точке», невольно явив миру останки немецкого матроса.

– Там она, мумия, – сказал я Федору.

Полуяров любопытства не проявил – слегка повернул голову и тут же вновь уставился себе под ноги.

– Ты чего, Федь?

– Проклятие, – проговорил тихо Полуяров.

– Что?

– Проклятие!

Не был я уверен, что с Козловым все в порядке. Потому и сдержался. А так хотелось ругнуться! Потому что это все Петя. Сначала пугал нас сольным исполнением песни про белый парус и черный парус, потом принялся проклятием страшить. Якобы, настигнет оно каждого, кто возжелает пи-

ратских сокровищ.

Впервые о проклятии Петя упомянул на следующий день после того, как «Золушка» взяла курс на острова Спасения. Все-таки Козлов был со сдвигом. С маленьким или большим – это как посмотреть. И от обстоятельств зависит. К примеру, есть люди, которые перед взлетом начинают доверительно сообщать соседу последние данные по статистике авиакатастроф, а когда самолет выкатывается на рулежку, с умным видом роняют фразы, типа: «Что-то мне не нравится, как правый двигатель работает, да и закрылки почему-то не шевелятся». С точки зрения соседа, такой «знаток» достоин четвертования, и его сумасшествие не может служить фактором, смягчающим вину. Но если подобные речи слышишь где-нибудь на даче – за чайком да шашлычком, тут можно и отмахнуться от назойливого любителя печальной статистики, ну, переутомился человек, ему посочувствовать надо.

Петя Козлов был из этой когорты доброжелательных психопатов. Он не жалел красок, расписывая беды и несчастья, которые пали на голову тех, кто осмелился посягнуть на тайну острова Селваженш-Гранди. Куда там проклятию Тутанхамона! Там горести и болезни поразили тех, кто нашел гробницу и вошел в нее. А в случае с кладом Уильяма Кидда, зло выкашивало всех еще на подступах к сокровищу. Корабли тонули, люди травились консервами, кто-то попал под лавину, среди алчущих пиратского золота постоянно вспыхивали ссоры, часто доходило до поножовщины и стрельбы. И

только одного «копателя» – Афонсо Коэльо с Мадейры, проклятие до поры обходило стороной. Но и тот, в конце концов, стал его жертвой – умер. Помню, я спросил Козлова, сколько лет было достопочтенному сеньору Коэльо, когда он вверил душу свою Господу. «Шестьдесят девять», – ответил Петя, посмотрев на меня осуждающе. «Пожил, значит», – сказал я.

Видя, что я пребываю в тисках сомнений, Козлов переключился на Полуярова, последнего прилежного слушателя. Еще до меня Петю с его «страшилками» последовательно отфутболили Джон, Мила и Чистый. А Федор внимал и как-то даже попенял Козлову, что не знал о проклятии раньше. Знал бы – не ввязался в такое опасное предприятие. «Это вряд ли, – помню, подумал тогда я. – В Москве ты над этой чепухой посмеялся бы и посоветовал другу Пете пить вале-льянку»

Джон терпел это безобразие долго, но все же не выдержал и на правах шкипера приказал Козлову отставить разговорчики, смущающие незрелых членов экипажа. Петя на эту гневную филиппику отвечал, что он так шутит. «И шуточки тоже отставить!» – рявкнул Дудникофф.

Что было делать Козлову? Пришлось помалкивать. Однако зубы дракона были брошены в пашню, и вскоре дали ростки. В шторм Полуяров все время говорил о проклятии, и все наши попытки его образумить оказывались тщетными. Дошло до того, что владелец «Золушки» потребовал прекратить поход за сокровищем и идти в Касабланку. Тут даже

Козлов бросился его увещевать, клятвенно заверяя, что нет никакого проклятия и никогда не было, это он развлекался. Уговорить Полуярова мы уговорили, но дальнейшие события показали, что в рассказах Козлова и впрямь что-то присутствует, что-то мистическое и зловещее. Бывает же: пальцем в небо – и в яблочко.

– Нет никакого проклятия, – напомнил я Федьке о признании Козлова. – Петька все выдумал.

– Это он сказал, что выдумал, – покачал головой Полуяров. – Чтобы назад не повернули. А проклятие есть!

– Мил, ну, хоть ты ему скажи!

Шелестова, шедшая чуть позади нас, догнала Федора и положила ему руку на плечо:

– Не бойся. Скоро все кончится.

На моих щеках вспухли желваки. Успокоила, называется! Федор хлопнул носом и повторил:

– Скоро все кончится... Костя мертв, Джон мертв. Яхта на камнях. Выпить нечего.

На мой взгляд, предложенный ряд был неравноценным по степени драматичности слагаемых. Однако впечатление производил, и, прежде всего, своей незавершенностью. Потому что нам еще Козлова найти надо – и желательно живым, а затем самим из этой передрыги в целости вывернуться.

– Так, – сказал я. – Здесь разделяемся и идем к горе.

– Зачем нам разделяться? – насторожился Полуяров.

– Чтобы быстрее Петюню нашего отыскать, – терпеливо

объяснил я. — Дистанция двадцать метров.

И мы пошли к горе.

Мила шагала слева от меня, Полуяров — справа. Сначала мы именно что шагали, но скоро подъем стал круче, все чаще путь преграждали базальтовые глыбы и причудливые нагромождения камней. Дистанцию пришлось сократить до десяти метров, вернее, она как-то сама собой сократилась.

Нам потребовалось минут двадцать, чтобы добраться до скал, если и похожих на ворота, то весьма отдаленно, и расщелины. Которая на самом деле расщелиной не была. Ущельем тем более. Наверняка у вулканологов есть для подобных образований специальный термин, мне же «расщелина» показалась похожей на овраг. А будь она поуже и не такой глубокой, это и вовсе была бы канава.

Еще двадцать минут ушло на то, что пройти «овраг» от «устья» до «истоков». Ни Козлова, ни пещеры мы не обнаружили.

— Петя! — закричал я, сложив ладони рупором.

Нет ответа.

— Петя! Ау!

Тишина. Только море шумит вдалеке. Только чайки кричат в вышине. Пиит, блин.

— Что будем делать? — обратился я к моим спутникам.

Вид у Полуярова был совсем затравленный. От него мне совета не дожидаться.

— Может, это не та расщелина? — сказала Шелестова.

– Может быть. Тогда поищем другие.

Вернувшись к «устью», мы повернули налево. Мы снова двигались, выдерживая дистанцию в двадцать метров. Впереди появилась очередная скалистая гряда, и я подумал, что за ней может быть еще один «овраг».

И тут я услышал крик:

– Не подходи! Не подходи ко мне!

Это кричал Козлов. И кричал он Шелестовой. Я кинулся к Миле.

Петя сидел на дне ямы – не рукотворной, как на берегу, а явно природного происхождения. Когда рядом с Шелестовой, застывшей на краю ямы, появился я, Козлов завопил снова:

– Нет здесь никакого золота! Нет! Нет!!! Не убивайте!

Вот еще новость.

– Никто не собирается тебя убивать, – заверил я Петьку, но мой голос лишь подстегнул его:

– Вы пришли за картой! Я знаю! Вот карта! Берите!

Козлов выхватил из-за пазухи вчетверо сложенный лист и кинул его в мою сторону. Лист затрепыхался в воздухе и упал обратно на дно ямы.

– Мы пришли за тобой, – со всей возможной теплотой сказал я. – И нужен нам ты, а не карта.

– Не убивайте! – снова заорал Козлов, превратно истолковавший мои слова.

– Да пошел ты, Петя! – вскипел я и сказал Миле. – Хрен

с ним. Пусть валяется. Главное, что живой.

Шелестова повернулась и пошла к Федору, который оставался там, где застал его крик Козлова. По-моему, Полуяров даже присел от испуга.

Я последовал за Милой, но остановился, когда мне в спину ударились слова:

– Андрей! Это она убила! Я знаю! Я видел!

Видел он. Я не видел, но тоже знаю. Да, убила, ну, так было за что.

* * *

– Я не хотела его убивать, – сказала Мила.

Мы снова были на берегу. Сидели, пили, ели. Я, Федор и Шелестова. Козлов расположился в отдалении. Я отнес ему чипсы, бутылку воды и несколько «лепестков» плавленого сыра в воощенной бумаге. Петька с такой жадностью набросился на еду, что мне стало совестно за свое поведение. Грубовато я с ним все же. Но, честно скажу, любезничать не было ни сил, ни желания. Да и к тому же, из такого сумеречного состояния, в каком пребывал Козлов, надо выдергивать, как вырывают зуб, решительно и не миндальничая. Ну, я и расстарался.

Когда Петька швырнул нам вдогонку слова, превращающие Людмилу Шелестову, даму приличную во всех отношениях, в закоренелую преступницу Милку-Яхтсменку, я повернул назад. А Мила даже шага не замедлила... Федька же, по-моему, так ничего и не понял. Тормознуло его, видно, по-

сле всего пережитого.

Я прыгнул в яму. Козлов пытался мне что-то сказать, но я перебил его:

– Знаю, Петя, знаю. Все знаю. Только не убивала она его. То есть это у нее случайно получилось. Может, она тебе этим жизнь спасла. Не думал об этом? А ты подумай, мон шер. Есть, о чем.

Я говорил быстро, не давая Козлову ни ответить, ни осмыслить услышанное. Я хотел вышибить из его головы лишние, случайные мысли и поместить вместо них мои собственные. Потому что, в отличие от некоторых, у меня голова в норме. Я могу рассуждать здраво, и вот доказательство тому: я давно понял, что это Мила ударила Чистого. Убила... Я даже понял, почему она это сделала. Я не знал одного: был ли Петр Козлов заодно с Чистым и Джоном? Вроде бы все говорило за то, что Петька понятия не имел о том, чем они промышляли, помимо мирной перегонки подержанных яхт из Нового Света в Старый. Но полной уверенности у меня не было, и развеять сомнения мог только сам Козлов: если живой – значит, ни при чем он; если пропал или мертвый – значит, Мила и ему врезала по голове, сообщнику. Только скрывает это. И кто ее осудит за эту скрытность? Не я.

– А ты чего здесь расселся, а, Петя? – продолжал я терзать мозги Козлова. – Что ты здесь не видел? Камни и камни. Ты чего на «Золушку» не вернулся?

– Боялся.

Ага, вот и голос уже другой – без сумасшедшинки, и глаза другие – без нее же.

– Милу боялся? Ну, это ты зря.

– Я думал, – схватил меня за руку Петька, – что мы с ней вдвоем на всем острове. Ну, может, еще Джон. Я думал, что отпустила она меня, чтобы я ей золото Кидда принес. А я его не нашел. Искал и не нашел. Потом ногу подвернул... А если бы нашел, то она бы меня убила, чтобы все себе взять. Понимаешь, это из-за золота все. Они его себе забрать хотели.

– Кто?

– Чистый и Джон. И Мила. А потом разругались, не поделили. Чистый Миле что-то говорил, говорил, а потом она его... А Джона уже не было. Чистый сказал, он за Федором побежал, и сказал, что Джон его догонит, что не жить Федьке. Но это еще до того было, как Мила... А потом она мне... А я ей...

Козлов начал путаться, глаза его закатились, и я поспешил снова взять инициативу в свои руки:

– Понял я, Петя, понял. Но ты успокойся, все самое страшное позади. Скоро за нами прилетят спасатели, может быть, даже на голубом вертолете. Пойдем отсюда.

– Я не могу.

– Почему?

– Я не могу! У меня нога.

– А я тебе помогу.

– У меня нога!

– А ну вставай, – заорал я. – Хочешь, чтобы я тебя на своем загривке пер? Не выйдет. Вставай, сучий потрох!

Козлов зашевелился, попытался встать и не смог. Смотри-ка, действительно, нога. Придется помочь.

– Больно, – скулил Петька.

Мы выбрались из ямы. Точнее, я его вытолкал.

– Идите, – крикнул я Шелестовой и Федору. – Мы за вами.

Ковыляли мы долго. Я ругался сквозь зубы. Козлов охал и ахал. Его рука, неожиданно цепкая, ни на секунду не отпустила мое предплечье.

Метрах в пятидесяти от нашего импровизированного бивуака – с пакетами, уже полупустыми, с разодранными обертками и валяющейся на камнях одеждой, – Петька вдруг уперся.

– Дальше не пойду.

– Не валяй дурака.

– Не пойду!

Как я ни старался его образумить, Козлов стоял на своем, вернее – сидел на своем. Потому что наконец-то отпустил меня и со стоном рухнул на землю.

– Ну и черт с тобой!

Я направился к Федору и Миле, но по мере того, как приближался к ним, шел все медленнее, медленнее... Мне положительно не нравилось то, что я видел. Пожалуй, опасения Козлова были не безосновательными. Полуяров стоял на коленях и что-то жевал. Но это ладно. Рядом с пакетом, из ко-

торого он выуживал то ли крекеры, то ли галеты, лежала моя дубинка-черенок. А в руках у Милы было ружье для подводной охоты. Наконечник гарпуна ненавязчиво смотрел в мою сторону.

Как-то это все было неприятно. И почему-то мне отчаянно захотелось дать задний ход. Но гордость не позволила. Или тупость.

– И что дальше?

Я стоял перед ними и ждал чего угодно – от стрелы в глаз до предложения присоединиться к трапезе. Но больше, все же, первого.

– Что он тебе наплел? – спросила Шелестова.

– Кое-что.

– И что ты намерен делать?

Я задумался, затем признался:

– Была бы ты помоложе, я бы тебя отшлепал. За игры с оружием, пусть и подводным. Но ты у нас, Мила, человек взрослый, поэтому рукоприкладство я себе позволить не могу. Я лучше тебя выслушаю.

Шелестова опустила ружье. Я хотел сказать, чтобы она того, поаккуратнее, чтобы не нажала ненароком спусковой крючок. Наконечник стрелы почти касался ее ступни. Только еще одного калеки нам и не хватало. Хотел сказать и не успел, Шелестова меня опередила:

– Этого я и хочу. Чтобы ты меня выслушал. А потом можешь поступать так, как считаешь нужным.

– Насколько ты мне это позволишь, – сказал я, показывая глазами на ружье в ее руках.

Шелестова вдруг засмеялась:

– Да это я убрать хотела, а то еще выстрелит, а тут ты подошел.

Так я ей и поверил! А Федор просто так рядом с дубинкой расположился. Хотя бывает, все бывает...

– Можно присесть? – вежливо осведомился я.

– Присоединяйся, – прошамкал-прожевал Федор.

Расстелив на камнях свою куртку, я сел и приготовился слушать.

Глава восьмая

– Я не хотела его убивать. – Шелестова тоже села, подтянула колени и обхватила их руками. – Так вышло. Когда ты вытащил Козлова в кокпит, я последовала за вами и увидела, как ты падаешь за борт. Я закричала, и тут он меня ударил. По лицу.

– Чистый? – сморозил я откровенную глупость. Ну, не Козлов же.

– Да. И тебя тоже он.

– С этим ясно. Интересно – чем.

– Биноклем.

Так вот почему бинокль сложился, подумал я, вспомнив, как утром мне пришлось раздвигать зрительные трубы и подстраивать окуляры. Хорошо, что бинокль на «Золушке» из новых, сплошь пластмасса, а то прежде их такими делали, что гвозди можно забивать. И головы колоть, как орехи.

– Он и Петю ударил. Ногой. В живот.

Голос Милы звучал ровно, без модуляций. Видно, перегорела. Вообще, о многом из того, о чем она рассказывала, я либо знал, либо догадывался. Но теперь, благодаря Шелестовой, картина обретала цельность и стройность. Социалистический реализм шел на смену поп-арту.

Затолкав Милу и Козлова в угол кокпита, Чистый предупредил, чтобы они не дергались, иначе отправятся за борт.

Говорил Костя спокойно, только громко, перекрывая шум волн и ветра, и от этого спокойствия Миле стало так страшно, что она, даже если бы захотела, не смогла бы пошевелить ни рукой, ни ногой. Что касается Козлова, то он вообще ничего не соображал, его словно... выключило.

Чистый говорил, что все было на мази, все шло отлично, пока на горизонте не появилось это проклятое золото. Говорил, что если бы не Полуяров с его завихрениями и не Козлов с его картой, мы бы спокойно дошли до Касабланки, он бы сдал груз и улетел в Москву. Счастливый и богатый. А вместо этого он здесь, на этом треклятом острове, и скоро появятся спасатели, и у них появятся вопросы, а потом вопросы появятся у заказчиков, оставшихся без товара, им-то он что скажет?

Мила стала сбиваться с пятое на десятое, и я решил, что пора вмешаться, тем более что Федор смотрел на нас совершенно очумелыми глазами. То, что было понятно мне и Шелестовой, для него было лишено причинно-следственных связей.

– Понимаешь, Федя, – сказал я. – В Кофреси, перед отплытием, Чистый взял на борт кое-какой груз. Энное количество банок говяжьей тушенки. Я случайно узнал об этом, но значения не придавал. А зря. Иначе не был бы так беспечен. Дело-то подсудное! Вот чем Костя у твоего папаши занимался? Детскими товарами? Памперс сюда, соску туда. Да, конечно, в огромном количестве, а все-таки соски да пампер-

сы. Унизительно для бизнесмена с его амбициями. Впрочем, я могу лишь предполагать, что заставило его пуститься во все тяжкие. Может, и амбиции, а может, жадность, или он просто хотел вывернуться из-под руки твоего отца, а заодно избавиться от необходимости быть при тебе нянькой. Может, ему это уже неважно было – холуystвовать и опекать. Короче, думал Костя, думал и решил подзаработать торговлей наркотиками.

– Чем? – задохнулся Полуяров.

– Наркотиками, Федя, наркотиками. Какими – не спрашивай, потому как я в этой дряни не разбираюсь. Крэк, кокаин, «китайский белок» или еще какая зараза, не суть. Конечно, Костя не собирался становиться мелким драгдилером и самолично сбывать порошок исколотым нарикам. Не его масштаб. Опять же мне неизвестно, как он вышел на оптовых поставщиков или даже на производителей. Но вышел как-то, и им понравилось его предложение. Сколько Джон перегнал яхт через Атлантику по заказу Чистого? Пять? Уверен, на каждой из них был изрядный запас банок с тушенкой. Только не совсем обычных, а с двойным дном. Две трети объема – мясо, одна треть – дурь. Был такой неприкосновенный запас и на «Золушке».

– Я ничего об этом... – залепетал Федор.

– А причем тут ты? Знали только Джон и Чистый. И все прошло бы без сучка, без задоринки, если бы не вы с Козловым и клад капитана Кидда. Помнишь, как Чистый упирал-

ся, не хотел идти на Селваженш-Гранди, как надеялся, что Джон его в этом поддержит? Но шкипера обуяла алчность, ну, Костя и сдался. Подумал, наверное, авось выгорит дельце, вот и двойной доход.

– Он Джона по всякому крыл, – подала голос Шелестова, подтверждая мои умозрительные построения.

– Значит, не ошибаюсь, так все и было, – сказал я. – Но Чистому не свезло. Шторм этот, винт сорвало, «Золушка» на камнях. А Мадейра недалеко, спасатели придут быстро, начнут осматривать яхту на предмет, можно ли ее на воду сдернуть, вдруг чего не то найдут? Заподозрят чего? Португалыцы вообще въедливые, обычных яхтсменов трясут, как груши, а уж нас потрясти – сам Бог велел. Вообще-то, если разобраться, ситуация была не так катастрофична, как представлялось Чистому, и все бы наверняка обошлось, но у Кости, что называется, ум за разум зашел. Чистый решил, что надо срочно избавиться от груза, но вокруг было слишком много свидетелей. Значит... Значит, надо проредить экипаж. Это он послал Джона на бак. И кормить бы тебе, Федя, рыб, если бы не твоя счастливая звезда. Второй раз ле-ди Фортуна улыбнулась тебе, когда Джон свалился в ров и раскроил себе череп. Потом из каюты появился я, и Костя саданул меня по затылку.

– А Мила? Козлов? – спросил Полуяров.

– Резонно, – согласился я. – Но ведь кем-кем, а законченным идиотом Чистый не был. «Поплыл» – да, законченным

подонком был – тоже да, но не идиотом. Он же не настолько с ума соскочил, чтобы не понимать: гибель двух человек при кораблекрушении еще могут списать на трагические обстоятельства, а вот смерть четырех из шести – это уже перебор. Чем убивать, проще запугать. Козлов – рохля. Мила как-никак девушка.

– Как-никак? – криво усмехнулась Шелестова.

– Кто скажет, что ты юноша, пусть первый бросит в меня камень, – ответил улыбкой я. – Теперь ты. Что дальше было?

Шелестова вмиг посерьезнела:

– Чистый стал выносить банки и бросать их в воду. По-дальше от «Золушки»

Я кивнул:

– С этим тоже ясно. Концы – в воду. Улики – туда же. – И тут меня осенило: – А может, рассчитывал вернуться за ними. Или прислать кого. Хотя, нет, вряд ли. Первый же шторм или выбросит банки на берег, или утащит их на глубину. Чистый что-нибудь говорил при этом?

– Он все молча делал, остервенело. – Мила поежилась: – Так страшно было.

Я подхватил:

– Одна банка у него в руках развалилась. Но Косте было уже не до этого. Теперь его занимали приборы. Он их крышкой от ящика с навигационными инструментами уродовал. Хотел аккуратненько – так, чтобы выглядело естественно, словно при крушении побились, но аккуратно не получи-

лось. Торопился очень.

– Они же были отключены, – сказал Федор. – Приборы.

– Верно. Но нужно было разбить, вывести из строя. А то примчатся спасатели и спросят: чего ж вы медлили, почему сразу не сообщили, что дело швах? И что бы Костя на это ответил? Что владелец судна, покойный господин Полуяров, хотел втайне высадиться на остров и поохотиться за пиратским кладом? Так, что ли?

Федор понурился, а я продолжил:

– Но есть тут одна тонкость. Все средства связи Чистый уничтожить тоже не мог. Причем он не брал в расчет спутниковый телефон, который был у Джона. Тот ведь бросился за тобой, очертя голову, а спутниковый телефон вещь капризная, она бережного отношения требует и к морским купаниям не расположена. Нет, Чистый должен был сохранить какой-нибудь из приборов. И лучше всего на эту роль подходил аварийный радиобуй, имевшийся на спасательном плоту. Пока плот на борту, буй молчит, когда плот сбрасывают на воду – включается. Буй можно включить и вручную. Короче, на лицо идеальный вариант объяснения, почему буй не работал до кораблекрушения и почему заработал потом. Просто уцелевшие члены экипажа не сразу, но все же сообразили, что надо активировать аварийный передатчик. Но даже не эта «идеальность» убеждает меня, что Костя оставил в целости именно радиобуй. Красноречивее другое: когда я полез за бум, то оказалось, что на плоту его нет. Или

я невнимательно смотрел, как считаешь, Мила?

Шелестова тряхнула головой, убирая с лица упавшие на него волосы.

– Это я его взяла. И спрятала среди сложенных парусов. Но это потом, после того, как я ударила Чистого. Мне было очень страшно, но страх прошел, когда у Кости началась истерика. Джон все не возвращался, и это выводило Чистого из себя. Он уже не молчал, он проклинал всех: тебя, Джона, Федора, Козлова, меня. Потом открыл люк моторного отсека и стал увечить дизель.

– Нервы, – сказал я. – Это все нервы. Он страховался. Нет тока, нет и связи.

Мила, казалось, была недовольна тем, что я ее перебил, поскольку была готова перейти к главному.

– Когда я услышала, как он ругается, когда увидела, как суетится, я поняла, что он тоже боится. И я как-то сразу успокоилась, хотя и подумала, что в таком состоянии он может изменить свои планы относительно нас с Козловым. И все равно – успокоилась. Просить его о чем-то, уговаривать было бесполезно, и я его ударила.

– Чем? Тоже биноклем?

– Нет. Ручкой от лебедки. Сумка с ней как раз у меня под рукой была. Чистый ко мне спиной стоял, и я ударила его по затылку. Костя повалился на бок, на палубу, и скатился в воду.

– Спасать его ты, конечно, не кинулась.

– Может быть, и кинулась бы, но в меня вцепился Козлов.

– Так, а этот чего хотел? – я посмотрел на Петю, продолжавшего пить и закусывать.

– Он рехнулся. Просил не убивать его. Обещал отдать мне все золото капитана Кидда. Я пыталась его успокоить, но он не слушал, у него на языке и в мозгах было только одно – золото. Он обнимал мои колени, кричал. И я сказала: делай, что хочешь! Я думала, он успокоится, а Петя прыгнул в воду и рванул к берегу. Я звала его, но он даже не оглянулся.

– Картина маслом, – процитировал его киноначальника одесского УГРО Давида Гоцмана. – Остались последние мазки. Что ты сделала с ручкой лебедки?

– Кинула в воду.

– Почему не включила радиобуй?

– Я не сразу о нем вспомнила. А когда вспомнила, Козлов был уже далеко.

– А причем здесь Козлов?

– Я подумала: что он скажет спасателям? Я ведь не знала, что он уяснил из случившегося, что осталось в его памяти, а что прошло мимо. Вдруг там такая чехарда, что он во всем будет винить меня – во всех смертях, во всех бедах. Как мне потом отмыться? И я подумала: что надо сначала поговорить с ним, а уж потом...

– Но сейчас-то буй работает?

– Я включила его, когда мы с Федором вернулись на берег. Он вон там.

Шелестова показала на большой камень, который с трех сторон омывала вода.

– А принесла ты его туда...

– ...после того, как вытащила тебя. Я ведь тебя, Андрей, тоже не сразу заметила. Тебя за камни унесло, а уж потом к берегу прибило.

Я задумчиво кинул в рот несколько орехов в шоколаде.

– Какие же вы, женщины, все-таки коварные существа, – с горечью проговорил я. – Умеееете наводить тень на плетень. И врете так легко, что аж завидно. Как ты утром сказала? «Напомним о себе миру». Знала, что сделать это мы не сможем, а сможешь только ты. Но ведь сказала!

– Я ждала, что вернется Козлов, – угрюмо и как-то потерянно произнесла Мила.

– А что может с победой и окровавленными руками вернуться Джон, ты это в расчет не брала?

– Сначала я о нем просто забыла, а потом, уже утром, подумала, что если он до сих пор не вернулся, значит, что-то случилось. К тому же, мне интуиция подсказывала, что он не вернется.

– А что тебе интуиция подсказывает насчет того, что мы с Федором, а может, и с Петей, если очухается, расскажем португальским служителям порядка? Ведь они станут допытываться, что здесь произошло. Что мы расскажем, Федор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.